

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Никольский Б.М.

Политический дискурс в трагедиях Еврипида.

Москва 2018

Аннотация. В работе предложено новое описание отношений между афинской трагедией и политической жизнью Афин 5 в. до н.э. Исследование сочетает в себе формальный и исторический подходы, выявляя связи между драматической и поэтической формой трагедий и их политическим смыслом: оно показывает тематическую целостность трагедий и их связь с конкретными событиями в жизни полиса. Первая часть работы посвящена интерпретации трагедии «Гекуба». «Гекуба» подчеркивает относительность обычных представлений о дружбе и вражде, предлагает новый, абсолютный критерий дружбы и свободы — доблесть, противопоставляет благородство троянок низости фракийцев, показывает, как благородство порождает дружбу, а преступление вражду: эти смыслы должны были отражать изменившиеся в середине 20-х гг. отношения с двумя варварскими народами — персами и фракийцами. Возможно, трагедия была специально приурочена к переговорам с Персией о дружбе, и ее можно предположительно датировать весной 423 г. до н.э. Вторая часть работы содержит анализ и интерпретацию трагедии «Ифигения в Тавриде». Главный мотив трагедии — мотив варварских жертвоприношений — постоянно ассоциируется с внутрисемейными убийствами в доме Агамемнона, а ожидаемое в трагедии принесение в жертву Ореста Ифигенией должно соединить вместе варварский ритуал и беды аргосской царской династии. Постоянное сравнение и сближение жертвоприношений в стране тавров с событиями в семье Агамемнона позволяет предположить, что данный мотив служит для символического выражения внутренних раздоров в самом эллинском мире — гражданской войны в Аргосе, разрешившейся при участии Афин. В таком случае трагедия была приурочена к заключенному вслед за окончанием этой войны весной 416 г. до н.э. союзному договору Афин с Аргосом.

Summary. The work proposes a new description of the relationship between Euripides' tragedies and the political life of the period, combining a formalist approach with historicism and stressing connections between their dramatic and poetic form and their political meaning. It argues for the thematic coherence of Euripides' tragedies, and for their relation to particular events in the life of the polis. The work consists of two parts. The first part concerns Euripides' Hecuba. This tragedy stresses the relativity of ordinary views on friendship and enmity, as well as on freedom and slavery, it suggests virtue as a new and absolute criteria of friendship and freedom, it contraposes the nobleness of the Trojans to the baseness of the Thracians, and it shows how the virtue generates friendship, while the outrage causes enmity. All those themes must have reflected the change of Athens' relationships with two barbaric peoples, the Persians and the Thracians, that happened in the mid-420s. The tragedy might have been connected to the alliance with Persia in 423 BC. In the second part a new interpretation of Euripides' Iphigenia in Tauris is proposed. The main motif of the tragedy, the motif of barbarian human sacrifices, is constantly associated with intrafamilial murders in the house of Agamemnon, and the sacrifice of Orestes by Iphigenia is to join together the barbarian ritual and the tribulations of the Argos royal dynasty. The problem of human sacrifices in the barbarian land is in itself hardly of interest to Euripides; their constant comparison and drawing together with the events in Agamemnon's family enables us to assume that this motif serves for symbolic expression of internal discords in the Hellenic world itself, that is, of the civil war in Argos solved with the help of Athens. It is possible to suppose that the tragedy celebrated an alliance between Athens and Argos made after the war in spring 416.

Никольский Б.М. ведущий научный сотрудник лаборатории античной культуры Школы актуальных гуманитарных исследований ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2017 год

Содержание

Содержание	4
Введение.....	5
1.1 «Гекуба» Еврипида: опыт интерпретации.....	7
1.2 «Ифигения в Тавриде» и афинская внешняя политика.....	42
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	66

Введение

В основе предлагаемой в работе методологии лежат несколько положений, которые следуют из наблюдений над драматургической техникой Еврипида.

1. Трагедия Еврипида обладает тщательно продуманной, сложной, но единой целостной структурой, в которой все элементы существуют не сами по себе, но во взаимосвязи друг с другом. Лишь эта структура в целом может выражать смысл, его нельзя искать в отдельных элементах – отдельных мыслях или пассажах.

2. Критики, согласные с тем, что трагедия должна быть целостной, часто вслед за Аристотелем желают увидеть эту целостность в единстве действия и единстве центрального характера. У Еврипида, однако, повсюду мы встречаем примеры отсутствия единства такого рода. Я полагаю, что каждая драма Еврипида обладает цельностью, но ее цельность создается прежде всего не единством линейного действия и не единством характера, а переключками между разными драматическими событиями и ситуациями, находящимися друг с другом в отношениях сходства или контраста. Эти переключки подчеркиваются с помощью повторяющихся слов и образов, одинаково описывающих различные ситуации. Таким образом, для понимания архитектоники драмы особенно важным оказывается изучение ее повторяющихся элементов - мотивов.

3. Мотивы, организованные в мотивную структуру, выражают некоторые идеи о мире и человеческой жизни. Выраженные в драме представления можно назвать смыслами, или темами. Таких тем в одной трагедии может быть много, однако в любом произведении можно выделить смысловую доминанту – ту тему, ради которой это произведение создано.

4. Исследований, обращающих внимание на сквозные образы и мотивы, было немало, и этот подход оказался очень продуктивным для анализа произведений Еврипида. Метод мотивного анализа распространился под влиянием англо-американской школы «новой критики», чем объясняется один его недостаток, присущий всей школе в целом. Для данного направления, противопоставлявшего себя традиционной исторической критике, главной ценностью и главным предметом интереса было произведение литературы само по себе, вне исторических обстоятельств, сопровождавших его создание. Структурный анализ, часто очень тонкий, обычно являлся анализом имманентным, и исторический фон интересовал критиков в наименьшей степени. Однако произведения античной литературы, отделенные от нас

тысячелетиями, невозможно изучать, не учитывая культурного контекста, в котором они были созданы и на знание которого они были рассчитаны. Структурный анализ должен не противостоять историческому, а сочетаться с ним. Кроме того, что знание контекста важно для понимания материала, из которого создается трагедия, - ее языка, мотивов и драматических ходов, оно совершенно необходимо и для правильной реконструкции общего смысла произведения. Трагедия сочинялась и ставилась с расчетом на определенное ее истолкование публикой, и проблемы, которые трагедия ставила или решала, должны были волновать ее зрителей.

Структуру многих трагедий невозможно объяснить, если не учитывать их приуроченности к конкретным историческим событиям. Таким образом, принципиально важным для их интерпретации является их соотнесение с их историческим контекстом.

1.1 «Гекуба» Еврипида: опыт интерпретации

Действие «Гекубы» складывается из двух частей. Первая половина трагедии посвящена судьбе дочери Гекубы Поликсены. Дух погибшего героя Ахилла требует от соратников ахейцев принести ему плененную троянскую царевну в жертву. Гекуба пытается уговорить пришедшего за Поликсеной Одиссея пощадить ее дочь, напоминая об услуге, которую некогда она ему оказала, не выдав его, явившегося в Трою согладатеа и узнанного Еленой, троянцам. Мольбы Гекубы тщетны, Одиссей не уступает, но неожиданно сцена умоления прерывается мужественным решением самой Поликсены, предпочитающей смерть жизни в рабстве у ахейцев. Столь же мужественно Поликсена ведет себя и в самый момент жертвоприношения, о котором в следующей сцене подробно рассказывает Гекубе вестник ахейцев Талфибий. В центре второй половины трагедии – смерть другого ребенка Гекубы, ее младшего сына Полидора. Слишком юный, чтобы защищать город, Полидор был отправлен отцом в место, которое он считал наиболее безопасным, – к другу, фракийскому царю Полиместору; кроме мальчика, Приам послал на сохранение Полиместору и свои сокровища. Когда ахейцы взяли Трою, Полиместор изменил долгу дружбы и, желая завладеть сокровищами, убил Полидора. Само убийство случилось еще до начала действия пьесы, однако оно определяет течение всей второй части трагедии: Гекуба сначала узнает о гибели сына, а затем, прибегнув к помощи Агамемнона – связанного с нею почти что родственными отношениями, поскольку он взял себе в наложницы ее дочь Кассандру – совершает возмездие над Полиместором.

Две части пьесы не связаны между собой никакой обязательной сюжетной связью – две смерти просто случайно совпадают по времени. Отсутствие единого и органически связанного действия дало повод многим критикам упрекать «Гекубу» в недостаточной цельности.¹ Но в то же самое время соединение этих двух разных событий внутри одной пьесы не может быть случайным, оно не может не отражать некий авторский замысел. Именно желание связать между собой эти две смерти заставило Еврипида изменить традиционные легенды о судьбе детей Приама. Принесение в жертву Поликсены на могиле Ахилла изображалось и ранее: о нем говорилось в эпической поэме «Взятие Трои», возможно, сочиненной в 7 в. до н.э., оно

¹ Хит (Heath 1987, 55-58) показал происхождение и историю этих критических замечаний в адрес «Гекубы». Они появляются в 18 веке, когда связанность действия становится важным эстетическим требованием (Prévost 1786, Lawson 1758, 377-378) и продолжают с тех пор вплоть до наших дней (ср., например, Norwood 1948, 216-9, Hogan 1972, 254).

упоминалось у Ибика (fr. 307 PMG), жившего в 6 в. до н.э.; о распространении этой легенды в 6 в. свидетельствует и иконографическая традиция.² Однако могила Ахилла всегда помещалась в Троаде, на южном берегу Геллеспонта, Еврипид же переносит ее на северный берег, во Фракию. Это изменение мифа приводило в замешательство не только современных ученых, но и античных читателей «Гекубы». Так, например, автор схолия к ст. 521 удивляется: πῶς γὰρ τοῦ Ἀχιλλέως ἐν τῇ

Τροίᾳ θανόντος τοὺς Ἑλλήνας φησι πρὸ τοῦ τύμβου αὐτοῦ θύειν ἐν Χερρονήσῳ ὄντας; «Как же он говорит, что эллины принесли жертву перед могилой Ахилла в Херсонесе, хотя он погиб в Трое?». ³ Единственная возможная причина перемещения могилы Ахилла во Фракию – это желание автора объединить в одном спектакле жертвоприношение Поликсены и гибель Полидора от руки фракийского царя Полиместора. Это второе убийство Еврипид придумывает сам, не отталкиваясь уже ни от какой мифологической традиции. Полидор упоминается в «Илиаде» (20.407-418), где он назван, как и в «Гекубе», младшим из детей Приама; однако у Гомера Полидор рожден Лаотоей, а не Гекубой, и убивает его Ахилл на поле битвы. Только у Еврипида он становится сыном Гекубы, смерть его перенесена во Фракию и убийцей его сделан фракийский царь Полиместор. Говорящее имя Полиместора («много замышляющий»), указывающее на его коварство – лишнее подтверждение тому, что вся эта история была сочинена самим Еврипидом.⁴ На вопрос о том, для чего Еврипиду понадобилось перенести события во Фракию, мы попробуем ответить позже, но в любом случае очевидно сознательное намерение автора соединить смерть Поликсены и Полидора. Следовательно, между двумя частями трагедии должна существовать особая связь.

Критики, стремящиеся увидеть за двухчастной структурой «Гекубы» некоторое единство, чаще всего находят объединяющее начало в образе Гекубы, присутствующей на сцене с начала до конца действия.⁵ По их мнению, смысл всех происходящих в пьесе событий – в том, чтобы выявлять характер героини. Отношение между двумя частями пьесы может при этом объясняться различными способами. Одни исследователи считают, что Еврипид создает контраст между двумя несчастьями, по-разному воздействующими на Гекубу: если закляние

² Mossman 1995, 31, 256-259.

³ Подробнее о месте погребения Ахилла в «Гекубе» см. Michelakis 2002, 68-70.

⁴ Mossman 1995, 30, Gantz 1993, 659-660.

⁵ См., например, Tierney 1946, xviii, Pohlenz 1954, 280, Méridier 1956, 176. Об истории интерпретации «Гекубы» в 20-м веке см. Heath 1987, 62-63.

Поликсены, при всех страданиях, которые оно причиняет героине, все же не вызывает в ней ненависти к совершающим его грекам, то жестокое убийство Полидора Полиместором превращает Гекубу в подобного Медее злого духа мести.⁶ Другие критики полагают, что и первое убийство осуждается автором не менее, чем второе, и потому оба несчастья должны влиять на поведение Гекубы одинаково – они вместе приводят к тому, что Гекуба, исполняя акт возмездия – ослепляя с помощью других пленниц-троянок Полиместора и убивая его детей, – являет себя безжалостным и бесчеловечным существом. Если между второй и первой частями трагедии есть контраст, то заключается он в противопоставлении теряющей человеческий облик Гекубы ее добродетельной дочери Поликсене, благородно и мужественно принимающей смерть.⁷ Но как бы по-разному не видели критики смысл и роль каждой из двух частей, большинство из них согласны в одном: страшное горе, которое переживает Гекуба, разрушает ее нравственный характер и превращает в чудовище, в зверя. В конце Гекубе предстоит стать собакой с кровавым взглядом (κύων γενήσῃ πύρσ' ἔχουσα δέρματα «Ты станешь собакой с кровавым взглядом», 1265), и это превращение, которое в финале трагедии пророчит ей Полиместор, символически передает ее моральное перерождение.

Однако Р. Меридор в своей статье «Мсть Гекубы»⁸ убедительно опровергла эту общепринятую трактовку поступка Гекубы. Она обратила внимание на множество деталей в тексте, заставляющих видеть мсть Гекубы совсем в ином свете. Агамемнон, санкционируя наказание Полиместора, не сомневается в его справедливости и в том, что оно согласно с волей богов: καὶ βούλομαι θεῶν θ' οὐνέκ' ἀνόσιον ξένον / καὶ τοῦ δικάίου τήνδε σοὶ δοῦναι δίκην «Я желаю, чтобы чтобы твой нечестивый друг заплатил это наказание и ради богов, и ради справедливости» (852-853). Агон между Гекубой и Полиместором после совершения ею возмездия построен по образцу судебного разбирательства, в котором в качестве судьи выступает Агамемнон. Оправдание Полиместора, объясняющего убийство Полидора своим желанием помочь ахейцам, лживо, в то время как доводы Гекубы, обвиняющей Полиместора в преследовании исключительно собственных корыстных интересов, не позволяют усомниться в ее правоте; потому окончательный вердикт, который выносит Агамемнон, должен представляться публике вполне справедливым:

⁶ Pohlenz 1954, 277-283.

⁷ Abrahamson 1952, Conacher 1961, Luschig 1976, Segal 1990, 119.

⁸ Meridor 1978, см. также Meridor 1983. С ее аргументами согласен и Хит (Heath 1987, 63, n. 122).

ἐμοὶ δ', ἴν' εἰδῆς, οὔτ' ἐμὴν δοκεῖς χάριν
οὔτ' οὖν Ἀχαιῶν ἄνδρ' ἀποκτεῖναι ξένον,
ἀλλ' ὥς ἔχῃς τὸν χρυσὸν ἐν δόμοισι σοῖς.
λέγεις δὲ στυγερὸν πρόσφορ' ἐν κακοῖσιν ὦν.

<...>

πῶς οὖν σε κρίνας μὴ ἀδικεῖν φύγω ψόγον;

Знай – я считаю, что ты убил гостя
Не ради меня, не ради ахейцев,
Но чтобы иметь в доме золото.
А говоришь ты то, что тебе выгодно, находясь в беде.

<...>

Как же я тогда избегу упреков, если решу, что ты невиновен? (1243-1249).

Порой у Еврипида, действительно, месть должна вызывать негодование, а жертва мести, будь он прежде сколь угодно виновным, оказывается достойным жалости. Однако чтобы вызвать эту жалость, автор изображает персонажа, на которого обрушивается месть, всегда с известной долей симпатии. Например, Ясон в конце «Медеи» (например, в ст. 866-975) отличается от Ясона в начале (ст. 446-626), и хор сочувствует ему (989 сл.); симпатию и сочувствие вызывают и Пенфей в конце «Вакханок»,⁹ и Эврисфей в финале «Гераклидов». Отношение к Полиместору в «Гекубе», однако, ничуть не меняется: в финальном агоне с Гекубой этот персонаж исполнен коварства и лести, а в самый момент его наказания изображен зверем, жаждущим крови карающих его женщин:

πᾶ πόδ' ἐπάξας
σαρκῶν ὀστέων τ' ἐμπλησθῶ,
θοίναν ἀγρίων θηρῶν τιθέμενος,
ἄρνύμενος λώβας λύμας τ' ἀντίποιν' ἐμᾶς;

Куда мне ринуться ногой

⁹ Dodds 1960, on 973-976.

Чтобы насытиться мясом и костями,
Устроив пир диких зверей,
Получив плату за унижение и надругательство надо мной? (1070-1074)

Таким образом, мы не можем говорить ни о каком нравственном падении Гекубы в конце трагедии – ее поступок справедлив и законен. Тогда, однако, становится невозможно говорить о каком-либо развитии ее характера и связывать с ним драматическую логику пьесы. Структурное единство трагедии и ее смысл должны объясняться как-то иначе.

Некоторые критики при интерпретации «Гекубы» обращают большее внимание не на характер и психологию главного персонажа, а на сходство различных ситуаций и поступков – сходство, позволяющее говорить о некоторых общих управляющих миром пьесы законах. Как часто бывает у Еврипида, сходство ситуаций подчеркивается употреблением в них одних и тех же повторяющихся слов – лексических мотивов. В «Гекубе» можно увидеть два таких мотива, мотив «дружбы» (φιλία) и «свободы» (ἐλευθερία), и трактуются они похожим образом: происходящие в драме события убеждают нас в относительности и обременительности границ, разделяющих друзей и врагов, свободных и рабов.¹⁰

Обратимся сначала к мотиву дружбы. Еврипид создает такие ситуации, в которых персонажи вынуждены выбирать между разными и несовместимыми обязательствами перед теми, с кем они связаны дружескими отношениями.¹¹ В первой части трагедии такой выбор совершает Одиссей. С одной стороны, он, как и прочие ахейцы, должен исполнить требование Ахилла и принести ему в жертву Поликсену. Мотив φιλία, связывающей ахейцев и Ахилла и обязывающей их к этому жертвоприношению, возникает уже в прологе, где впервые говорится о нем:

αἰτεῖ δ' ἀδελφὴν τὴν ἐμὴν Πολυξένην
τύμβῳ φίλον πρόσφαγμα καὶ γέρας λαβεῖν.
καὶ τεύξεται τοῦδ', οὐδ' ἀδώρητος φίλων

¹⁰ Stanton 1995, Daitz 1971.

¹¹ Стэнтон называет это «конфликтом обязательств» (Stanton 1995, 32), ср. также Schubert 2000, 92-94. Стэнтон пытается связать обязательства персонажей с их аристократическим происхождением и объяснить создаваемый Еврипидом конфликт между ними желанием поставить под сомнение традиционные аристократические ценности; эта идея, однако, кажется совсем не убедительной.

ἔσται πρὸς ἀνδρῶν

Он требует моей сестры Поликсены –
Получить ее угодной ему жертвой могиле и наградой.
И он добьется этого, и не останется без подарка
От своих друзей (40-44).

В пародее хор рассказывает Гекубе о собрании ахейцев, на котором они решали, необходимо ли им убивать Поликсену. Решающее слово было за Одиссеем, напомнившим своим товарищам об обязательствах дружбы:

μηδέ τιν' εἰπεῖν παρὰ Φερσεφόνη
στάντα φθιμένων
ὥς ἀχάριστοι Δαναοὶ Δαναοῖς
τοῖς οἰχομένοις ὑπὲρ Ἑλλήνων
Τροίας πεδίων ἀπέβησαν.

Чтобы никто из почивших, встав
Возле Персефоны, не сказал,
Что покидая равнины Трои,
Не воздали благодарность данайцы данайцам,
Погибшим за эллинов (136-140).

Одиссей апеллирует здесь к χάρις «благодарности, милости» - понятию, теснейшим образом связанному с φιλία.¹²

Этот мотив – дружбы с Ахиллом и необходимости воздать ему благодарность – звучит в словах Одиссея и в первом эпизодии, в его агоне с Гекубой. Герой считает постыдным забывать друга после его смерти:

οὐκοῦν τόδ' αἰσχρόν, εἰ βλέποντι μὲν φίλῳ

¹² Слово χάρις обозначает взаимные благодеяния, к обмену которыми обязывают дружеские отношения.

χρώμεσθ', ἐπεὶ δ' ὅλωλε, μὴ χρώμεσθ' ἔτι;

Не постыдно ли это, если зрячий друг

Нам нужен, а когда умрет, уже не нужен? (311-312);

о замечает, что милости (χάρις), оказываемые человеку после смерти, особенно ценны, поскольку длятся долго (διὰ μακροῦ γὰρ ἡ χάρις, 320)

В этом агоне, однако, мы узнаем, что у Одиссея есть еще одно обязательство, которое должно было бы воспрепятствовать его намерению принести в жертву Поликсену. Когда он приходит к палатке, где находятся плененные троянки, и собирается увести Поликсену, Гекуба пытается остановить его, напоминая о благодеянии, которое некогда она оказала ему – не выдав его, пришедшего в Трою, троянцам (239-248). Оказанная ею милость требует от Одиссея ответной милости – благодарности (χάρις). Слово χάρις не раз звучит в ее мольбах и упреках Одиссею. Гекуба просит Одиссея вернуть долг за оказанное ею благодеяние (χάριν τ' ἀπαιτῶ τὴν τόθ', 276); она обвиняет его в неблагодарности:

οὐκοῦν κακύνῃ τοῖσδε τοῖς βουλευμασιν,
ὃς ἐξ ἐμοῦ μὲν ἔπαθες οἷα φῆς παθεῖν,
δρᾶς δ' οὐδὲν ἡμᾶς εὖ, κακῶς δ' ὅσον δύνῃ;
ἀχάριστον ὑμῶν σπέρμ', ὅσοι δημηγόρους
ζηλοῦτε τιμᾶς·

Не делают ли твои намерения тебя дурным человеком –

Ведь ты получил от меня то, что сам признаешь, что получил,

И поступаешь с нами совсем не хорошо, но насколько можешь плохо?

Неблагодарное ваше семя – тех, кто стремитесь

К почестям любимцев толпы (251-255)

и в безразличии к друзьям: μηδὲ γινώσκοισθέ μοι, / οἱ τοὺς φίλους βλάπτοντες οὐ φροντίζετε (255-256).

Итак, Одиссей должен выбирать между двумя обязательствами, столкновение которых подчеркнуто употреблением по отношению к ним одних и тех же слов (ἁγάριστος, χάρις, φίλοι): долг перед Ахиллом требует от него принести Поликсену в жертву, а долг перед Гекубой пощадить ее. Его отказ выполнить просьбу Гекубы критики нередко расценивают как проявление жестокости, как предательство дружбы, как потакание воле толпы, и Одиссей часто удостоивается осуждения.¹³ Но вина его всего лишь обусловлена положением, в которое он попадает, оказываясь перед необходимостью исполнить одно из обязательств и отказаться от исполнения другого.

В таком же положении находится еще один персонаж – Агамемнон, который, однако, выбирает иной путь. В первой части трагедии он жертвует ради Поликсы и Гекубы, близких своей наложницы Кассандры, долгом перед Ахиллом и призывает ахейцев отказаться от жертвоприношения. Потому предводители афинян Акамонт и Демофонт порицают его за недостаток мужества – за то, что ложе ему дороже копья; в ответ Одиссею они

τὰ δὲ Κασάνδρας
λέκτρ' οὐκ ἐφάτην τῆς Ἀχιλείας
πρόσθεν θήσειν ποτὲ λόγχης

Отказались
Ложе Кассандры предпочесть
Копью Ахилла (127-129).

¹³ Conacher 1961, 12, Abrahamson 1952, 122, Luschig 1976, 230. Стоит заметить, что эти исследователи считают жертвоприношение Поликсы неоправданным. Коначер, например, утверждает, что судить о жертвоприношении следует, исходя из этических представлений конца 5 в., запрещавших человеческие жертвоприношения (Conacher 1961, 11), см. также Abrahamson 1952, 123-124. На самом деле, конечно, зрительскую оценку жертвоприношения должны определять не этические взгляды, а драматическая логика пьесы. В «Ифигении в Тавриде», например, человеческое жертвоприношение нечестиво и ассоциируется с варварством; персонажи стремятся его избежать, и им это удается. В «Гераклидах», напротив, жертвоприношение дочери Геракла не вызывает ни малейшего осуждения; все персонажи признают его необходимым, и оно дает героине возможность проявить героизм. В «Гекубе» ахейцы не могут избежать его: Ахилл задерживает их корабли, не позволяя им вернуться домой, и лишь смерть Поликсы способна умиловать героя (37-41). Так что его нужно признать необходимостью, хоть и горькой. О том, что решение принести Поликсену в жертву, правильно, свидетельствует и точка зрения правителей Афин Акамонта и Демофона, которые на собрании ахейцев γνώμη δὲ μὴ συνεχωρεῖτην, / τὸν Ἀχιλλεῖον τύμβον στεφανοῦν / αἵματι χλωρῷ «сошлись в одном суждении – увенчать ахиллову могилу свежей кровью» (124-126). У нас нет никаких оснований видеть здесь, вслед за Кингом (King 1985, 63-64), критику Афин.

Во второй части трагедии Агамемнон встает перед новым выбором – помочь ли Гекубе, умоляющей его наказать Полиместора, или же встать на сторону Полиместора, которого связывают с ахейцами союзнические отношения. Его разговор с Гекубой, занимающий весь третий эпизодий, очень схож с беседой между Гекубой и Одиссеем в первом эпизодии: Гекуба точно так же здесь обращается с мольбами к нему, как и прежде к Одиссею (совпадают в этих двух сценах даже слова, ср. ее просьбы о жалости Одиссею: αἰδέσθητί με, / οἴκτιρον, 286-287, и Агамемнону: αἰδέσθητί με· / οἴκτιρον ἡμᾶς, 806-807), и в центре их диалога также находится тема дружбы и благодарности. Сначала Гекуба медлит высказать Агамемнону свою просьбу, опасаясь, что он откажет ей, поскольку считает ее врагом:

ἀλλ', εἴ με δούλην πολέμιαν θ' ἡγούμενος
γονάτων ἀλώσαιτ', ἄλγος ἄν προσθείμεθ' ἄν

Если бы он, сочтя меня рабыней и врагом
Оттолкнул от своих коленей, я бы только увеличила мою боль (741-742).

Затем, решив, что она преувеличивает его враждебность:

ἄρ' ἐκλογίζομαί γε πρὸς τὸ δυσμενὲς
μᾶλλον φρένας τοῦδ', ὄντος οὐχὶ δυσμενοῦς;

Но не может ли быть так, что я расцениваю слишком враждебную сторону
Его отношение, в то время как он не враждебен? (745-746),

героиня переходит к мольбам и убеждению. Она говорит о справедливости наказания Полиместора (799-805), о своей жалкой участи (806-811), однако слова ее не имеют никакой силы. Агамемнон молчит и отстраняется от нее; Гекуба описывает его жест:

οἴμοι τάλαινα, ποῖ μ' ὑπεξάγεις πόδα;
ἔοικα πράξειν οὐδέν· ὦ τάλαινα' ἐγώ

Ах я несчастная, куда ты уводишь от меня ногу?

Кажется, я ничего не добьюсь. О я несчастная! (812-813)

И тогда Гекуба прибегает к новому способу убеждения. Она напоминает Агамемнону о своей дочери Кассандре, которую тот взял себе в наложницы, и просит его воздать благодарность (χάρις) за радость разделенного с нею ложа:

πρὸς σοῖσι πλευροῖς παῖς ἐμὴ κοιμίζεται
ἢ φοιβᾶς, ἣν καλοῦσι Κασάνδραν Φρύγες.
ποῦ τὰς φίλας δῆτ' εὐφρόνας δείξεις,¹⁴ ἄναξ,
ἢ τῶν ἐν εὐνῇ φιλτάτων ἀσπασμάτων
χάριν τίν' ἔξει παῖς ἐμή, κείνης δ' ἐγώ;

Сбоку от тебя спит моя дочь,

Фебова пророчица, которую фригийцы зовут Кассандрой.

Как ты покажешь милый ночи с ней, владыка?

И какую благодарность получит за милые объятия

Моя дочь, а за нее – я? (826-830)

Критики, которые находят в поведении Гекубы моральную деградацию, полагают, что уже в этой сцене Еврипид изображает падение героини, сравнивая ее со сводней, торгующей прелестями собственной дочери. По мнению Лашниг, «her use of Cassandra's favors is a final degradation»;¹⁵ примерно теми же словами описывает поведение Гекубы и Коначер, усматривающий в слове χάρις указание на плату за сексуальные услуги.¹⁶ Это слово, однако, как и в первых сценах пьесы, отсылает совсем к иному роду отношений: оно обозначает ожидаемое ответное благодеяние, которого требует установившаяся между героями близость – φίλια.¹⁷ Гекуба уподобляет связь Агамемнона с Кассандрой браку и потому утверждает, что

¹⁴ Мы оставляем здесь рукописное чтение, не принимая конъектуры Диггла λέξεις.

¹⁵ Luschig 1976, 232.

¹⁶ Conacher 1961, 22.

¹⁷ Кроме χάρις, Еврипид обыгрывает здесь связь с φίλια эпитета, прилагаемого им к объятиям Кассандры и к ночам, которые разделяет с нею Агамемнон – прилагательного φίλος «милый».

она сама и погибший Полидор стали Агамемнону родственниками и как родственники могут рассчитывать на его помощь. Этот смысл несут в себе слова, произнесенные Гекубой сразу после упоминания Кассандры:

τὸν θανόντα τόνδ' ὀράς;
τοῦτον καλῶς δρῶν ὄντα κηδεστήν σέθεν
δράσεις

Ты видишь здесь его, мертвого?
Облагодетельствовав его, ты будешь благодетелем
Своего шурина (833-835).

Апелляция Гекубы к связывающим их отношениям свойства убеждает Агамемнона; теперь он готов оказать ей дружескую услугу (χάρις – ср. употребление этого слова в ст. 874 и 899) и наказать Полиместора, но его тревожит, что его будут порицать его товарищи (φίλοι) ахейцы, связанные дружескими отношениями с Полиместором:

Τὸν ἄνδρα τοῦτον φίλιον ἡγεῖται στρατός,
τὸν κατθανόντα δ' ἐχθρόν· εἰ δὲ σοὶ φίλος
ᾧδ' ἐστί, χωρὶς τοῦτο κοῦ κοινὸν στρατῶ.

Этого человека войско считает другом,
А умершего – врагом. А если он друг тебе,
Это личное твое дело, не разделяемое войском (858-860).

В отличие от Одиссея в первой части трагедии, Агамемнон делает выбор в пользу личной дружбы с Гекубой. Один раз он уже поступил так, выступив на собрании ахейцев против жертвоприношения Поликсены, за что получил упреки в пренебрежении долгом перед товарищами; теперь он не хочет

отказываться ни от каких из связывающих его дружеских обязательств,¹⁸ но пытается исполнить их все – и помочь Гекубе, и не потерять лица перед товарищами. Потому он решает поддержать Гекубу пассивно – не участвовать в наказании Полиместора собственнлично, но позволить Гекубе отомстить и воспрепятствовать ахейцам, если они вдруг узнают и решат прийти Полиместору на помощь.

Едва ли Агамемнон заслуживает тех упреков, которые обращают против него многие критики.¹⁹ Его поступки, действительно, производят впечатление связанности и несвободы, но причина кроется не в самом герое, а в той сложной ситуации, в которой ему приходится действовать, – в ситуации, в которой сталкиваются противоположные обязательства дружбы. Положение его таково же, как и положение Одиссея, и два персонажа демонстрируют два возможных способа поведения в таких обстоятельствах – или жертвовать какими-то из обязательств, или же пытаться хотя бы внешне соблюдать все. Всякий выбор может стать поводом для упреков, или в жестокости, или в слабости, но виноват сам мир, проводящий жесткие границы и отделяющий друзей от врагов.

Относительность границ Еврипид показывает, не только ставя своих персонажей перед необходимостью делать сложный выбор, но и легко переводя их через эти границы, делая друзей врагами и врагов друзьями. Агамемнон – ахеец, и потому враг троянки Гекубы, но полюбив ее дочь Кассандру и взяв ее себе в наложницы, становится ее другом; Полиместор – друг ахейцев и друг Гекубы, но после убийства Полидора становится их врагом. Эту особенность мира, в котором живут его персонажи, Еврипид выражает словами хора:

δεινόν γε, θνητοῖς ὡς ἅπαντα συμπίτνει,
καὶ τῆς ἀνάγκης οἱ νόμοι διώρισαν,
φίλους τιθέντες τοὺς γε πολεμιωτάτους
ἐχθροὺς τε τοὺς πρὶν εὐμενεῖς ποιοῦμενοι

¹⁸ Именно идея связывающих обязательств лежит в основе рассуждения Гекубы об отсутствии свободы у Агамемнона (864-869). У нас нет никаких оснований вслед за другими исследователями (см., например, Daitz 1971, 221, Schubert 2000, 94) полагать, что эллины изображены в «Гекубе» рабами, менее свободными, чем варвары; тема относительности положения свободных и рабов, которую мы разберем дальше, описывает только ситуацию пленных троянок.

¹⁹ По мнению Абрахамсона (Abrahamson 1952, 122), Одиссей и Агамемнон воплощают в себе два типа человеческих пороков – жестокость и слабость. И Абрахамсон, и Лашниг (Luschnig 1976, 231) не сомневаются в том, что Агамемнон – причина и страданий Гекубы, и ее нравственного падения.

Удивительно, как у смертных все соединяется,
И все определяют законы неизбежности,
Делая друзьями тех, кто был наиболее враждебен,
И врагами тех, кто прежде дружил (846-849).

Столь же проницаемы и границы, разделяющие свободных и рабов, так что и это противопоставление оказывается относительным. В конце пролога дух погибшего Полидора, видя появляющуюся на сцене мать, с горечью сравнивает ее нынешнюю рабскую долю с недавним прошлым, когда она была царицей:

ὦ μήτηρ ἥτις ἐκ τυραννικῶν δόμων
δοῦλειον ἤμαρ εἶδες, ὥς πράσσεις κακῶς
ὅσοντες εὖ ποτ'.

Ах, мать, которая после царских чертогов
Увидела рабскую долю, как несчастна ты теперь!
Столь же, сколь была счастлива прежде (55-57),

и то же сожаление звучит в первых словах самой Гекубы:

ἄγεται ὀρθοῦσαι τὴν ὁμόδουλον,
Τρωάδες, ὑμῖν, πρόσθε δ' ἄνασσαν

Держите прямо и ведите ту, кто в рабстве
Вместе с вами, троянки, а прежде была царицей (60-61).

Такова участь и хора, состоящего из троянских женщин, которые прежде были свободными, но теперь должны отправиться рабынями в Элладу. Выходя на оркестру, они обращаются к Гекубе с речью, в которой так же, как и сама Гекуба, оплакивают недавно утерянную свободу:

Ἑκάβη, σπουδῇ πρὸς σ' ἐλιάσθην
τὰς δεσποσύνους σκηνὰς προλιποῦσ',
ἴν' ἐκληρώθην [καὶ προσετάχθην]
δούλῃ, πόλεως ἀπελαυνομένη
τῆς Ἰλιάδος, λόγχης αἰχμῇ
δοριθήρατος πρὸς Ἀχαιῶν,

Гекуба, я спешно выскочила к тебе,
Оставив господские шатры,
Где меня отобрали по жребию и определили
Рабыней, выгнав из илионского
Города, которую острием копья
Добыли на войне ахейцы (98-103).

Эта тема постоянно звучит на протяжении всей трагедии. Гекуба оплакивает свое превращение из свободной в рабыню: δούλῃ θανοῦμαι, πατρὸς οὗσ' ἐλευθέρου «я умру рабыней, хотя родилась от свободного отца» (420). Умоляя Одиссея спасти Поликсену, Гекуба говорит ему о своей участи как о примере переменчивости судьбы – всякий свободный может внезапно оказаться рабом:

οὐδ' εὐτυχοῦντας εὖ δοκεῖν πράξειν αἰεί·
κάγω γὰρ ἦ ποτ', ἀλλὰ νῦν οὐκ εἴμ' ἔτι,
τὸν πάντα δ' ὄλβον ἤμαρ ἔν μ' ἀφείλετο

Не <нужно> тем, кто счастлив, считать, что они будут счастливы всегда.
И я когда-то была, но теперь уже нет.
Один день лишил меня всего счастья (283-285).

Впрочем, и сам Одиссей оказался в положении раба, когда приходил в Трою и должен был просить Гекубу спасти ему жизнь: τί δῆτ' ἔλεξας δοῦλος ὦν ἐμὸς τότε; (249), спрашивает у него теперь Гекуба.

Перемена судьбы – утрата прежней свободы и предстоящее рабство у ахейцев – становится одной из главных тем хоровых песен. В первом стасиме троянские женщины перечисляют разные части Эллады, в которых им предстоит влачить свою рабскую долю; заканчивается стасим контрастом прежней жизни на родине и будущей жизни в рабстве:

ὦ μοι τεκέων ἐμῶν,
ὦ μοι πατέρων χθονός θ',
ἃ καπνῷ κατερείπεται
τυφομένα, δορίκτητος
Ἀργεῖων· ἐγὼ δ' ἐν ξεί-
νῃ χθονὶ δὴ κέκλημαι δού-
λα, λιποῦσ' Ἀσίαν

О мои дети!
О мои отцы и страна,
Что лежит в обломках
И дымится, захваченная копьем
Аргивян. А меня в чужой
Стране будут звать рабыней –
Оставившую Азию (475-481).

В третьем стасиме хор рассказывает о взятии Трои – том моменте, когда счастливая и спокойная жизнь (ср. ст. 923-926) сменилась на рабство в Элладе:

ἄγομαι δὲ θανόντ' ἰδοῦσ' ἀκοίταν
τὸν ἐμὸν ἄλιον ἐπὶ πέλαγος,
πόλιν τ' ἀποσκοποῦσ', ἐπεὶ νόστιμον
ναῦς ἐκίνησεν πόδα καὶ μ' ἀπὸ γᾶς
ᾤρισεν Ἰλιάδος·
τάλαιν', ἀπεῖπον ἄλγει,

Меня увозят – после того, как я увидела смерть
Моего супруга – по соленому морю,
И я оглядываюсь на город, когда корабль
Направил свою стопу домой и разлучил меня
С илионской страной.
Несчастливая, я без сил от боли (936-942).

Словами троянок об их рабской участи и заканчивается трагедия:

ἴτε πρὸς λιμένας σκηνάς τε, φίλοι,
τῶν δεσποσύνων πειρασόμεναι
μόχθων· στεργὰ γὰρ ἀνάγκη.

Подруги, идите к гаваням и к шатрам,
Чтобы изведать труд у
Хозяев. Неизбежность сурова (1293-1295)

Итак, в мире «Гекубы» не существует отчетливых границ между противоположными понятиями; дружба и вражда, свобода и рабство – категории относительные, сегодняшние друзья завтра могут оказаться врагами, сегодня свободные завтра становятся рабами. В то же время условное разделение на разные группы ставит человека перед необходимостью делать выбор между противоположными и несовместимыми обязательствами, обязательно жертвуя одним из них или же будучи вынужденным лавировать и притворяться. Недостатки персонажей-ахейцев проистекают из сложности положения: Агамемнон выглядит слабым, а Одиссей, который не смущаясь отказывается от долга перед Гекубой, - безжалостным. Поведение Одиссея мотивировано его недооценкой изменчивости и относительности существующих в мире разграничений. Высказываясь на собрании ахейцев в пользу жертвоприношения Поликсены, он подчеркивает различие между лучшим из ахейцев Ахиллом и рабами троянцами:

Λαερτιάδης πείθει στρατιάν

μη τὸν ἄριστον Δαναῶν πάντων
δούλων σφαγίων εἵνεκ' ἀπωθεῖν,

Лаэртиад убеждает войско
Не отвергать лучшего из ахейцев
Ради обреченных на жертву рабов (133-135),

хотя Еврипид постоянно напоминает нам, что троянцы стали рабами совсем недавно. Свою речь, обращенную к Гекубе, Одиссей заканчивает замечанием о том, что эллины в отличие от варваров умеют почитать друзей:

οἱ βάρβαροι δὲ μήτε τοὺς φίλους φίλους
ἡγεῖσθε, μήτε τοὺς καλῶς τεθνηκότας
θαυμάζεθ', ὥς ἂν ἡ μὲν Ἑλλάς εὐτυχῇ,
ὕμεῖς δ' ἔχηθ' ὅμοια τοῖς βουλευμασιν

Вы, варвары, не считайте друзей друзьями
И не восхищайтесь теми, кто умер прекрасной
Смертью, чтобы Эллада процветала,
А вы получили достойное ваших мыслей (328-331);

он убежден в правильности своего выбора и не сомневается в том, что исполняет долг дружбы – забывая при этом, что пренебрегает обязательствами перед Гекубой.²⁰

Еврипид и в других своих трагедиях показывает относительность границ между противоположными понятиями и ставит персонажей в ситуацию выбора между несовместимыми обязательствами. Например, в «Ипполите» все герои стремятся совершать добродетельные поступки, но всякий раз выполнение одного требования добродетели влечет за собой нарушение другого.²¹ Стоит, однако, обратить внимание на то, что Еврипид в

²⁰ С процитированными словами Одиссея перекликается и контрастирует обвинение, брошенное ему Гекубой: μηδὲ γιγνώσκοισθέ μοι, / οἱ τοὺς φίλους βλάπτοντες οὐ φροντίζετε, / ἦν τοῖσι πολλοῖς πρὸς χάριν λέγητέ τι (255-257).

²¹ Nikolsky 2015, 41-74.

«Гекубе», как, впрочем, и в «Ипполите» не довольствуется изображением реальности двойственной и относительной. Он создает не только ситуации, выявляющие противоречия в привычных понятиях, но и ситуации, которые наполняющие эти понятия подлинным и абсолютным значением. В «Гекубе» таковыми событиями оказываются главные поступки двух частей пьесы – жертвоприношение Поликсены и убийство Полидора.

Как я уже говорил, когда исследователи пытаются объяснить соотношение двух половин трагедии, они полагают главным событием второй части месть Гекубы. Именно этот поступок, по их мнению, должен быть противопоставлен действию первой части пьесы – или мужеству и благородству Поликсены, или поведению в начале трагедии самой Гекубы. Однако уже в прологе Еврипид показывает нам, какие два события должны интересовать нас прежде всего. Рассказ призрака Полидора делится на две части, посвященные двум смертям, одной уже случившейся, другой предстоящей – гибели самого Полидора (1-34) и смерти Поликсены (35-44). Именно эти события создают контраст между двумя частями произведения, и суть этого контраста – не столько в разном воздействии их на Гекубу, сколько в противоположном нравственном значении самих двух смертей.

В первой части пьесы нас должен интересовать нравственный характер не ахейцев, участвующих в жертвоприношении Поликсены – как я уже попытался показать, их роль не может не быть пассивной, они лишь подчиняются требованию своего погибшего товарища и неумолимой судьбе, – но поведение самой Поликсены, благородно и мужественно принимающей смерть. Ее поступок описывается тем же мотивом свободы и рабства, который мы разбирали выше, но здесь эти понятия обретают абсолютное значение.

Поликсена готова умереть, поскольку она рождена свободной и не может смириться с рабской участью – с той самой переменной судьбы, которую оплакивают Гекуба и другие троянки:

δέσποινα δ' ἢ δύστηνος Ἰδαίαισιν ἦ
γυναιξὶ παρθένοις τ' ἀπόβλεπτος μέτα,
ἴση θεοῖσι πλὴν τὸ κατθανεῖν μόνον·
νῦν δ' εἰμὶ δούλῃ

Я, несчастная, была госпожой идеянкам,

Меня замечали среди женщин и девушек,
Я была равна богам во всем кроме смерти,
А теперь я рабыня (354-357).

Уже само имя рабыни заставляет ее желать смерти: πρῶτα μὲν με τοῦνομα / θανεῖν ἐρᾷν τίθησιν οὐκ εἰωθὸς ὄν (357-358). Она не может согласиться исполнять низкие обязанности рабыни и терпеть издевательства от хозяев:

ἔπειτ' ἴσως ἂν δεσποτῶν ὤμῶν φρένας
τύχοιμ' ἄν, ὅστις ἀργύρου μ' ὀνήσεται,
τὴν Ἑκτορός τε χιτέρων πολλῶν κάσιν,
προσθεὶς δ' ἀνάγκην σιτοποιὸν ἐν δόμοις,
σαίρειν τε δῶμα κερκίσιν τ' ἐφεστάναι
λυπρὰν ἄγουσαν ἡμέραν μ' ἀναγκάσει·

Потом, возможно, я попаду к хозяину
С жестоким сердцем, который купит за серебро меня –
Сестру Гектора и многих других –
Станет принуждать меня делать хлеб у себя в доме
И заставит проводить горестный день
Подметая дом и стоя за ткацким челноком (359-364).

Не желает она и разделять ложе с рабом, после того как была желанной невестой царям:

λέχη δὲ τὰμὰ δοῦλος ὀνητός ποθεν
χρανεῖ, τυράννων πρόσθεν ἡξιωμένα

Раб, купленный где-то, запятнает
Мое ложе, прежде достойное царей (365-366).

И потому Поликсена желает покинуть свет сейчас, пока она еще свободна:

ἀφίμ' ὀμμάτων ἐλευθέρων
φέγγος τόδ', Ἄϊδη προστιθεῖς' ἐμὸν δέμας.

Посылая тело в Аид, я лишаю этого света
Мои глаза, пока они еще свободны (367-368)

Это стремление к свободе Поликсена являет и в момент принесения в жертву, выражая его в самих своих движениях. Она просит не держать ее и не прикасаться к ней, поскольку хочет умереть свободной:

ἐκοῦσα θνήσκω· μή τις ἄψηται χροὸς
τοῦμοῦ· παρέξω γὰρ δέρην εὐκαρδίως.
ἐλευθέραν δέ μ', ὥς ἐλευθέρα θάνω,
πρὸς θεῶν, μεθέντες κτεínaτ'.

Я умираю добровольно. Пусть никто не прикасается
К моему телу. Я храбро дам мою шею.
Ради богов, убейте меня, отпустив на свободу,
Чтобы я умерла свободной (548-551).

Поликсене удастся сохранить свободу несмотря на перемену судьбы, и позволяет ей сделать это ее доблесть и благородство. Нравственное достоинство героини постоянно подчеркивается употреблением слов со значением моральной оценки. Она сама объясняет свою решимость умереть нежеланием проявить низость и малодушие (εἰ δὲ μὴ βουλήσομαι, / κακὴ φανοῦμαι καὶ φιλόψυχος γυνή, 347-348) и предпочитает смерть позору (συμβούλου δέ μοι / θανεῖν πρὶν αἰσχυρῶν μὴ κατ' ἀξίαν τυχεῖν, 373-374; τὸ γὰρ ζῆν μὴ καλῶς μέγας πόνος, 377); о ее благородстве и мужестве говорят и пленные троянки:

δεινὸς χαρακτήρ ἀπίσημος ἐν βροτοῖς
ἐσθλῶν γενέσθαι, καπὶ μεῖζον ἔρχεται

τῆς εὐγενείας ὄνομα τοῖσιν ἀξίοις

Удивительный и замечательный отпечаток оставляет в смертных,
Когда они рождены от доблестных людей, и слава благородного происхождения
Еще возрастает у тех, кто его достоин (379-381),

и их хозяйка ахейцы (τῇ περίσῃ εὐκαρδίῳ / ψυχὴν τ' ἀρίστη «очень храбрая и лучшая душою», 579-580).

Итак, над относительностью разделения людей на свободных и рабов стоит человеческое достоинство – благородство и мужество; эти качества позволяют оставаться свободным, и они определяют истинный смысл понятия свободы.

Подобно тому, как в первой части трагедии внутреннее благородство Поликсены разрешает противоречие, скрытое в формальном противопоставлении свободных и рабов, во второй половине противоречивое разделение мира на друзей и врагов разрешается изображением другого абсолютного полюса, на этот раз негативного – низости фракийского царя Полиместора. Описывая поступок Полиместора, ради корысти предавшего доверие Приама и Гекубы и убившего их сына Полидора, Еврипид вновь, как и во многих других сценах пьесы, прибегает к теме дружбы, однако здесь она уже лишена всякой описанной выше амбивалентности. В отличие от Одиссея и Агамемнона, которые могут отказываться от дружеских обязательств перед кем-либо, но ради исполнения других обязательств, Полиместор изменяет дружбе только лишь ради собственной выгоды, и если он объясняет свой поступок соображениями дружбы, то лишь прикрывает этим свои подлинные, эгоистичные мотивы.

О предательстве Полиместором отношений дружбы и гостеприимства (ξενία), которые связывали его с Приамом и Гекубой, говорится уже в прологе. Призрак Полидора рассказывает о том, как

κτείνει με χρυσοῦ τὸν ταλαίπωρον χάριν
ξένος πατρώος καὶ κτανὼν ἐς οἶδμ' ἀλὸς
μεθ' ἧχ', ἵν' αὐτὸς χρυσὸν ἐν δόμοις ἔχη

Меня, несчастного, убил ради золота
Отцовский друг, и убив, бросил меня
В пучину моря, чтобы самому обладать в доме сокровищами (25-27).

Смерть Полидора здесь же, в прологе, противопоставлена вынужденному жертвоприношению Поликсены, от которого ахейцы не могут отказаться, поскольку должны быть верны дружбе, связывавшей их с Ахиллом: οὐδ' ἀδώρητος φίλων / ἔσται πρὸς ἀνδρῶν «Не останется он без подарка от друзей» (42-43).

Мотив дружбы оказывается и средоточием всей финальной сцены трагедии, в которой участвует Полиместор. В первом же стихе, обращенном им к Гекубе, дважды повторяется слово φίλτατος в превосходной степени: ὦ φίλτατ' ἀνδρῶν Πρίαμε, φίλτατῇ δὲ σύ, / Ἐκάβῃ (953-954) – так Полиместор хочет выразить свое отношение к Гекубе, сына которой он только что убил. Затем, когда Гекуба просит его усласть стражу, чтобы лишить возможности защититься, Полиместор самодовольно заявляет о дружбе, связывающей его с обеими враждующими сторонами – и с ахейцами, и с троянцами: φίλῃ μὲν εἶ σύ, προσφιλὲς δέ μοι τόδε / στράτευμ' Ἀχαιῶν (982-983). Встречая на сцене Агамемнона, Полиместор обращается к нему все тем же словом φίλτατος: ὦ φίλτατ' ἡσθόμην γάρ, Ἀγάμεμνον, σέθεν / φωνῆς ἀκούσας (1114-1115).

Положение Полиместора в некотором смысле напоминает ситуацию, в которой находятся Агамемнон и Одиссей – их также связывают дружеские отношения сразу и с другими ахейцами, и с Гекубой; но если греческие герои оказываются перед конфликтом обязательств, то для Полиместора заявление о такой двойной дружбе становится только средством скрывать сначала свое преступление (говоря о дружбе с Гекубой, Полиместор надеется, что преступление его не будет раскрыто), а затем, после разоблачения, – свои истинные мотивы. Когда в финальном агоне он выносит свой поступок на суд Агамемнона, объясняет он его своими дружескими отношениями с ахейцами (ἔδεισα μὴ σοὶ πολέμιος λειφθεὶς ὁ παῖς

Τροίαν ἀθροίσῃ καὶ ξυνοικίσῃ πάλιν «Я боялся, как бы ребенок, оставшись тебе врагом, не собрал и не заселил вновь Трою», 1138-1139) – то есть так, как можно объяснить жестокость Одиссея к Поликсене. Но в отличие от Одиссея у Полиместора не может быть такого оправдания, как справедливо объясняет Гекуба:

ὃς φης Ἀχαιῶν πόνον ἀπαλλάσσω διπλοῦν
Ἀγαμέμνωνός θ' ἕκατι παῖδ' ἐμὸν κτανεῖν.

<...>

ὁ χρυσός, εἰ βούλοιο τάληθ' ἰλέγειν,
ἔκτεινε τὸν ἐμὸν παῖδα, καὶ κέρδη τὰ σά

Ты говоришь, что убил моего сына, избавляя
Ахейцев от двойного труда и ради Агамемнона.

<...>

Золото – если бы ты захотел сказать правду –
Убило моего сына, и твоя корысть (1197-1207).

В своей обвинительной речи, давая нравственную оценку поступку Полиместора, Гекуба не раз произносит слово *κακός* (ὦ κάκιστε, 1199; νῦν ἄκουσον, ὥς φανῆς κακός, 1217). Агамемнон, когда выносит свой окончательный вердикт, называет поступок Полиместора словом *αἰσχρόν*:

τάχ' οὖν παρ' ὑμῖν ῥάδιον ξενοκτονεῖν·
ἡμῖν δέ γ' αἰσχρόν τοῖσιν Ἑλλήσιν τόδε

Наверное, у вас легко убивать друзей,
А нам, эллинам, это постыдно (1247-1248).

Слова *κακός* и *αἰσχρόν* подчеркивают контраст между преступлением Полиместора и подвигом Поликсены, желавшей не оказаться как *κακή* и избежать τὰ αἰσχροῦ; и если благородство Поликсены возвышает над условным положением свободных и рабов, то низость Полиместора выходит за пределы всяких отношений дружбы и вражды, какими бы сложными и противоречивыми они ни были.

Поступки Поликсены и Полиместора противопоставлены не только по своему нравственному содержанию, но и по тому воздействию, которое они производят на окружающих. Благородство Поликсены заставляет всех, даже ее врагов ахейцев, испытать по

отношению к героине дружеские чувства. Ахейцы настолько потрясены ее поведением, что все участвуют в воздании ей посмертных почестей – покрывают ее тело листвою и собирают дрова для погребального костра, упрекая всякого недостаточно усердного (577-580); опасения Гекубы, как бы ахейцы не оскорбили Поликсену, считая ее своим врагом (ἢ πρὸς τὸ δεινὸν ἦλθεθ' ὥς ἐχθράν, γέρον, / κτείνοντες; «Может, вы дошли до ужасного, старик, убивая ее словно врага?», 516-517), не сбываются. Злодейство Полиместора, напротив, рождает лишь вражду и месть, даже со стороны его прежних друзей. Мотивная связь благородства с дружбой и низости с враждой афористично выражена переключкой понятий καλὰ и φίλα во фразе, которую Агамемнон адресует Полиместору: ἀλλ' ἐπεὶ τὰ μὴ καλὰ / πράσσειν ἐτόλμας, τλήθι καὶ τὰ μὴ φίλα «Коли ты осмелился / совершить недостойное, будь смел перенести и неудобное/недружественное²²» (1250-1251).

Вызванная преступлением вражда не будет иметь конца, месть станет причиной новой мести. Именно об этом – о бесконечности несчастий, к которым приводит злодейство – говорит финал трагедии. Автор хочет обратить внимание не столько на нравственное падение Гекубы, как считают критики, а на трагические последствия злодейства Полиместора. Возможно, Гекуба уподобляется зверю, когда вместе с другими троянками ослепляет Полиместора и убивает его детей, и вполне возможно, что грядущее превращение ее в собаку символически передает утрату ею человеческого облика в момент возмездия, однако зверем становится теперь и Полиместор. Он выходит из палатки троянок как четвероногий зверь:

πᾶ βῶ, πᾶ στῶ, πᾶ κέλσω;
 τετράποδος βάσιν θηρὸς ὀρεστέρου
 τιθέμενος ἐπίχειρα κατ' ἵχνος;

Куда идти, куда встать, куда причалить,
 Ступая шагом четвероногого горного зверя
 На руках и ногах? (1056-1058),

он жаждет мяса своих обидчиц:

²² В слове φίλα Еврипид обыгрывает два значения – пассивное значение «приятное», и активное значение «любящее, дружелюбное».

πᾶ πόδ' ἐπάξας
σαρκῶν ὀστέων τ' ἐμπλησθῶ,
θοίναν ἀγρίων θηρῶν τιθέμενος

Куда мне ринуться ногой
Чтобы насытиться мясом и костями,
Устроив пир диких зверей (1070-1072),

и готов разорвать Гекубу на части:

σήμηνον, εἰπὲ ποῦ 'σθ', ἴν' ἀρπάσας χεροῖν
διασπάσῃ καὶ καθαίμαξω χροῶ

Укажи, скажи, где она, чтобы я, схватив руками,
Разорвал на части и окровавил ее тело (1125-1126).

Обращенное им к троянкам слово ὧ κατάρατοι «проклятые» (1065) перекликается с выражением ὧ κατάρατ' ἀνδρῶν (716), которое Гекуба обращала к нему самому, желая покарать его. Таким образом, все движется к новой мести, где мстителем выступит уже Полиместор. Эта месть наступает, поскольку именно как месть выглядит пророчество дурного конца Гекубе, Агамемнону и Кассандре, произносимое Полиместором в финале трагедии. Более того, этот финал, предвещающий гибель Агамемнона и Кассандры, связывает «Гекубу» с действием «Орестей» Эсхила, состоящим из череды возмездий.

Таким образом, если благородство рождает дружбу, то низость – вечную вражду и месть. Доблесть и низость – вот два понятия, лежащих в основе истинного разграничения дружбы и вражды, и именно доблесть дает истинную свободу. Такой нравственный смысл «Гекубы» - пьесы, в которой относительность привычных представлений о дружбе и свободе разрешается возведением этих понятий к нравственным абсолютам, - весьма напоминает представления Платона об истинной свободе или Аристотеля об истинной дружбе, которые неотделимы у этих философов от добродетели. Мы можем предположить даже, что история

этих представлений не начинается Платоном и Аристотелем, но восходит к софистам 5 в. до н.э., чьи идеи мог использовать и Еврипид.

Но является ли нравственное содержание главным и единственным содержанием «Гекубы»? Усомниться в этом и поискать в трагедии еще и другого смысла заставляет нас один факт – появление в сюжете фракийского царя Полиместора и перенос действия, гибели Поликсены и Полидора, во Фракию.

Еврипид постоянно обращает внимание и на место действия своей пьесы, и на фракийское происхождение Полиместора. Слова «Фракия» и «фракиец» повторяются здесь двадцать раз. Полиместора обычно называют не по имени, а просто «фракийским мужем» – когда речь заходит и его преступлении (ср. ответ Гекубы на вопрос хора о том, кто убийца Полидора: ἐμὸς ἐμὸς ξένος, Θρήκιος ἱππότης, 710, а также ее рассказ Агамемнону: Θρήξ νῦν ὤλεσε ξένος. 774), и о наказании за это преступление (856, 873, 890, 1036, 1047), и о его желании ответной мести (1055); тем самым Еврипид словно бы показывает связь между происходящими событиями и этнической принадлежностью Полиместора. Несколько раз Полиместор назван варваром: когда Агамемнон спрашивает Гекубу, каким образом она собирается покарать варвара (πότερα φάσγανον χερὶ / λαβοῦσα γράϊα φῶτα βάρβαρον κτενεῖς, / ἢ φαρμάκοισιν ἢ 'πικουρίᾳ τινί; «Ты убьешь варвара, взяв, старуха, в руку меч, или зельями, или с чьей-нибудь помощью?» 876-878), это обозначение также наводит на мысль о связи между преступлением Полиместора и его происхождением; когда же Агамемнон просит Полиместора рационально изложить аргументы, оставив свою варварскую ярость (ἐκβαλὼν δὲ καρδίας τὸ βάρβαρον / λέγ', 1129-1130), он ассоциирует с варварством необузданную дикость фракийского царя, проявляющуюся в его желании жестоко отомстить Гекубе.

Хотя фракийцы были союзниками афинян, коварство, жестокость и корыстолюбие – то есть те самые качества, которые отличают и Полиместора – являются их постоянной характеристикой в афинской литературе 5 в. до н.э. О неумеренной любви Ситалка и Севфа – правителей одрисов, самого могущественного из фракийских племен – к сокровищам рассказывает Фукидид во второй книге своей истории:

φόρος τε ἐκ πάσης τῆς βαρβάρου καὶ τῶν Ἑλληνίδων πόλεων, ὅσον προσῆξαν ἐπὶ Σεύθου, ὃς ὕστερον Σιτάλκου βασιλεύσας πλεῖστον δὴ ἐποίησε, τετρακοσίων ταλάντων ἀργυρίου μάλιστα δύναμις, ἃ χρυσὸς καὶ ἄργυρος ἦει· καὶ δῶρα οὐκ ἐλάσσω τούτων χρυσοῦ τε καὶ ἀργύρου

προσεφέρετο, χωρὶς δὲ ὅσα ὑφαντά τε καὶ λεῖα καὶ ἡ ἄλλη κατασκευή, καὶ οὐ μόνον αὐτῷ, ἀλλὰ καὶ τοῖς παραδυναστεύουσί τε καὶ γενναίοις Ὀδρυσῶν. κατεστήσαντο γὰρ τὸναντίον τῆς Περσῶν βασιλείας τὸν νόμον, ὄντα μὲν καὶ τοῖς ἄλλοις Θραξί, λαμβάνειν μᾶλλον ἢ διδόναι (καὶ αἵσχιον ἦν αἰτηθέντα μὴ δοῦναι ἢ αἰτήσαντα μὴ τυχεῖν), ὅμως δὲ κατὰ τὸ δύνασθαι ἐπὶ πλεόν αὐτῷ ἐχρήσαντο· οὐ γὰρ ἦν πρᾶξαι οὐδὲν μὴ διδόντα δῶρα.

Подати со всей варварской земли и с эллинских городов при Севфе, который, будучи наследником Ситалка, довел их до самого большого размера, составляли в деньгах сумму около 400 талантов серебра и вносились серебром и золотом. Подносились также и дары золотом и серебром, по стоимости равноценные податям (помимо искусно и пестро расшитых и простых тканей и всякой утвари), и не только самому царю, но также его соправителям и знатым одрисам. В противоположность обычаям персидского царства они скорее брали, нежели давали; так было принято и у остальных фракийцев, но одрисы благодаря своему могуществу пользовались этим обычаем чаще других: без подарков от них нельзя было ничего добиться (Фукидид 2.67).

В седьмой книге Фукидид говорит о свирепости фракийцев. Он повествует об их жестоком нападении на город Микалесс:

ἐσπερόντες δὲ οἱ Θραῖκες ἐς τὴν Μυκαλησσὸν τάς τε οἰκίας καὶ τὰ ἱερὰ ἐπόρθουν καὶ τοὺς ἀνθρώπους ἐφόνεον φειδόμενοι οὔτε πρεσβυτέρας οὔτε νεωτέρας ἡλικίας, ἀλλὰ πάντας ἐξῆς, ὅτῳ ἐντύχοιεν, καὶ παῖδας καὶ γυναῖκας κτείνοντες, καὶ προσέτι καὶ ὑποζύγια καὶ ὅσα ἄλλα ἔμψυχα ἴδοιεν·

Ворвавшись в Микалесс, фракийцы стали разорять дома и святилища, убивать людей. не давая пощады ни старым, ни молодым, режали всех подряд, кого ни встречали, без разбора — и женщин, и детей, и даже выючных животных, и вообще — все живое, что попадалось на глаза.

Свой рассказ он завершает самым страшным примером их жестокости — убийством детей в школе, и сопровождает его обобщающим замечанием об особенностях фракийского народа:

τὸ γὰρ γένος τὸ τῶν Θρακῶν ὁμοῖα τοῖς μάλιστα τοῦ βαρβαρικοῦ, ἐν ᾧ ἂν θαρσῆση, φονικώτατόν ἐστιν. καὶ τότε ἄλλη τε ταραχὴ οὐκ ὀλίγη καὶ ἰδέα πᾶσα καθειστήκει ὀλέθρου, καὶ ἐπιπεσόντες διδασκαλείῳ παίδων, ὅπερ μέγιστον ἦν αὐτόθι καὶ ἄρτι ἔτυχον οἱ παῖδες ἐσεληλυθότες, κατέκοψαν πάντας· καὶ ξυμφορὰ τῇ πόλει πάση οὐδεμιᾶς ἦσσαν μᾶλλον ἐτέρας ἀδόκητός τε ἐπέπεσεν αὕτη καὶ δεινὴ.

Ведь народ фракийцев, подобно самым диким из варваров, если он уверен в своей безопасности, кровожаден до неистовства. Так и теперь в городе начался страшный погром и всеобщая резня. варвары напали, между прочим, на детскую школу, самую большую в городе, и перерезали всех детей, когда те только что пришли туда. На город обрушилось самое большое из возможных несчастий, неожиданное и страшное.

Очевидно, ту же жестокость фракийцев имеет в виду и Аристофан, когда называет их самым «самым воинственным народом» (ὅπερ μαχिमώτατον Θρακῶν ἔθνος, «Ахарняне» 153).

По мнению Э. Холл, изменил традиционный миф именно под влиянием этого топоса жестокого фракийца.²³ Такое объяснение, однако, было бы правдоподобным только в том случае, если бы Полиместор уже и прежде, до Еврипида, участвовал в мифологическом сюжете, а Еврипид только наделил его чертами, которые его современникам казались типичными для фракийцев. На самом же деле наш автор полностью создает этот образ и всю связанную с ним историю, которую он делает главным событием своей трагедии; более того, он переносит из Троицы во Фракию и жертвоприношение Поликсены. Очевидно, у обращения Еврипида к Фракии и фракийцам должна быть какая-то особая цель.

Эту цель давно уже правильно понял Э. Делебек.²⁴ Он объясняет интерес Еврипида к Фракии событиями Пелопонесской войны, совпадающими по времени с постановкой «Гекубы», которую метрические соображения заставляют датировать серединой 420-х гг. Зимой 424/423 гг. спартанцы во главе с военачальником Брасидом осадили афинскую колонию во Фракии город Амфиполь. Афиняне рассчитывали на помощь своих фракийских союзников, но те, после смерти старого друга Афин царя Ситалка и воцарения его племянника Севфа,

²³ Hall 1989, 108.

²⁴ См. подробный анализ «Гекубы» Делебеком в Delebecque 1951, 147-164.

изменили своему союзническому долгу, и Амфиполь пал. Сложно согласиться с Делебеком, когда он пытается увидеть в Полиместоре индивидуальные черты Севфа,²⁵ однако особенное внимание Еврипида к фракийскому царю, воплощающего подлость и низость, вполне естественно объяснить изменением в отношениях между Афинами и фракийцами.

Высказывая верное предположение о смысле второй части трагедии, связанной с Полиместором, Делебек, однако, совсем неправильно трактует структуру трагедии в целом, не замечая ее единства. Он считает, что по первоначальному замыслу главным событием трагедии должно было стать жертвоприношение Поликсены, а главной целью – призыв к миру и к окончанию войны со Спартой: Еврипид хотел показать, что от войны страдают все, и победители, и побежденные.²⁶ Затем, под впечатлением от измены фракийцев и падения Амфиполя, драматург решил добавить вторую линию, при этом плохо вписав ее в общую композицию.²⁷ Как я постарался показать, две главные части пьесы существуют не отдельно одна от другой, но изначально и тесно связаны; они создают контраст доблести и низости, являющийся тематическим стержнем произведения.

Если вторая часть, посвященная Полиместору, указывает на отношения афинян и фракийцев, то к чему должна отсылать история Поликсены? Едва ли к войне между Афинами и Спартой, как полагает Делебек – в таком случае неясно значение контраста между Полиместором и Поликсеной и невозможно объяснить, почему Еврипид подчеркивает, что троянцы, так же, как и фракийцы, являются варварами.²⁸

Ответить на этот вопрос можно, если обратить внимание на обычные значения образа троянцев в афинской культуре 5 в. до н.э. Порой с мифологическими троянцами ассоциируются современные народы, возводящие к троянцам свою генеалогию: в «Троянках» – сегестяне, а в «Андромахе» – молоссы, ведущие происхождение от Андромахи и Неоптолема. Но чаще всего ассоциация была не генеалогической, а географической, и с Троей и троянцами связывалось государство, занимавшее в эпоху Еврипида территорию Троады – Персия.

²⁵ Едва ли убийство ребенка Полидора может отсылать к возможному убийству Севфом своего дяди Ситалка, вопреки Delebecque 1951, 155; вряд ли также стоит вслед за Делебеком (Delebecque 1951, 155-156) видеть в реплике Гекубы, говорящей о невозможности дружбы между эллином Агамемноном и варваром Полиместором, если только Полиместор не надеялся породниться с Агамемноном посредством какого-нибудь брака (πότερα κηδεύσων τινά, 1202), намек на предложение Севфу в 429 г. от македонского царя жениться на его сестре.

²⁶ Delebecque 1951, 148-154.

²⁷ Delebecque 1951, 159-161.

²⁸ Именно так называет Гекубу Одиссей: οἱ βάρβαροι δὲ μήτε τοὺς φίλους φίλους / ἡγεῖσθε, μήτε τοὺς καλῶς τεθνηκότας / θαυμάζεθ', ὥς ἂν ἡ μὲν Ἑλλὰς εὐτυχῇ, / ὑμεῖς δ' ἔχηθ' ὅμοια τοῖς βουλευμάσιν (328-331).

Как показал Эрскин,²⁹ ассоциация между Троей и Персией возникает после греко-персидских войн; взятие Трои наделяется аллегорическим смыслом, обозначая победу греков над персами. Один из первых примеров отождествления Персии с Троей мы встречаем в пятой Истмийской оде Пиндара, датируемой началом 470-х гг.³⁰ и посвященной победе атлета с острова Эгины Филакида. В одном пассаже этой оды воспевается роль Эгины в победе Саламинском сражении, и эта хвала предваряется мифологической аналогией – стихами об участии Эакидов, местных героев Эгины, в Троянской войне; ассоциация эта дополнительно подчеркивается упоминанием в связи с Саламином Аякса – относившегося к роду Эакидов, одного из главных героев Троянской войны и в то же время покровителя Саламина:

ἀλλ' ἐν Οἰνῶνα μεγάλῃτορες ὄργαι
 Αἰακοῦ παίδων τε· τοὶ καὶ σὺν μάχαις
 δις πόλιν Τρώων πρᾶθον, ἐσπόμενοι
 Ἡρακλῆϊ π' ῥότερον,
 καὶ σὺν Ἀτ' ρεΐδαις. ἔλα νῦν μοι πεδόθεν·
 λέγε, τίνες Κύκ'νον, τίνες Ἑκτορα πέφ'νον,
 καὶ στράταρχον Αἰθιόπων ἄφοβον
 Μέμνονα χαλκοάραν· τίς ἄρ' ἐσλὸν Τήλεφον
 τρῶσεν ἐῷ δροὶ Καΐκου παρ' ὄχθαις;
 τοῖσιν Αἴγιναν προφέρει στόμα πάτ'ραν,
 διαπρεπ<έα> νᾶσον· τετείχισται δὲ πάλαι
 πύργος ὑψηλαῖς ἀρεταῖς ἀναβαίνειν.
 πολλὰ μὲν ἀρτιεπὴς
 γλῶσσά μοι τοξεύματ' ἔχει περὶ κείνων
 κελαδέσαι· καὶ νῦν ἐν Ἄρει μαρτυρήσαι
 κεν πόλις Αἴαντος ὀρθωθεῖσα ναύταις
 ἐν πολυφθόρῳ Σαλαμῖς Διὸς ὄμβρῳ
 ἀναρίθμων ἀνδρῶν χαλαζάντι φόνῳ.

²⁹ Erskine 2001, 61-92.

³⁰ См. Bowra 1964, 407.

А в Эноне —
Высокому пылу
Эака и Эаковых сынов —
Тех, что дважды
Боем попрали Трою
Вслед Гераклу и вслед Атридам.
Оттолкнись же — и в путь!
Скажи:
Кто убил Кикна? Кто Гектора?
Кто — эфиопского воеводу, бесстрашного Мемнона в медной броне?
И кто вонзил копье
В лучшего Телефа над берегом Каика?
И уста мои ответят:
Родина им — Эгина, остров из островов,
Издавна строенная
Неприступная башня высочайших доблестей.
Тысячей стрел
Готов о ней грянуть мой речистый язык,
А порука тому — город Аянта,
Саламин,
Выстоявший перед Аресом силою гребцов,
Под смертным ливнем Крониона,
В бушующей гибели несчастных мужей (5.34-50, пер. М. Л. Гаспаров).

Особенно же распространяется ассоциация между взятием Трои и греко-персидскими войнами в искусстве и литературе Афин. Наиболее ранний известный нам случай использования этой ассоциации – это стихотворные надписи на трех гермах, установленных в Афинах Портике Герм в 470-е гг. в честь победы Кимона над персидским гарнизоном города Эион. Как сообщает Плутарх («Кимон» 7), на двух из этих герм были надписи, прославлявшие победу афинян над персами, а на третьей – стихи, возводившие мужество афинян к временам Троянской войны:

ἔκ ποτε τῆσδε πόληος ἄμ' Ἀτρείδῃσι Μενεσθεὺς
ἡγεῖτο ζάθεον Τρωικὸν ἐς πεδῖον·
ὄν ποθ' Ὅμηρος ἔφη Δαναῶν πύκα θωρηκτάων
κοσμητῆρα μάχης ἔζοχον ὄντα μολεῖν.
οὕτως οὐδὲν ἀεικὲς Ἀθηναίοισι καλεῖσθαι
κοσμηταῖς πολέμου τ' ἀμφὶ καὶ ἠγορήης.

Из этого города некогда Менесфей вел войско вместе с Атридами
На священную троянскую равнину.
Как сказал Гомер, он пришел, превосходя крепколатных данайцев
В распоряжении битвы.
Потому вполне подходит афинянам называться
Распорядителями в войне и мужестве.

Эта ассоциация продолжается и позднее – например, северную сторону Парфенон, который был памятником величия Афин и подчеркивал роль города в победе над персами, украшали метопы со сценами взятия Трои. В афинской трагедии троянцы изображаются как типичные восточные варвары, изнеженные и любящие богатство,³¹ и нередко называются именем фригийцев³² – народа, жившего на этой территории в 5 в. и подвластного персам. Топос, связывающий Троянскую войну и войну с персами, иронически обыгрывается в «Циклопе» Еврипида. Одиссей объясняет Полифему значение победы над троянцами, совершенно отождествляя их с персами, рассказывая о будто бы исходившей от них угрозе для всей Эллады и тем самым искажая миф о Троянской войне:

οἱ τὸν σόν, ὦναξ, πατέρ' ἔχειν νεῶν ἔδρας
ἐρρυσάμεσθα γῆς ἐν Ἑλλάδος μυχοῖς.
ἱερεὺς τ' ἄθραυστος Ταινάρου μένει λιμὴν
Μαλέας τ' ἄκρας κευθμῶνες ἢ τε Σουνίου

³¹ См. Hall 1989.

³² См. «Гекуба» 4, 350, 492, 776, 827, 1064, 1111, 1141.

δίας Ἀθάνας σῶς ὑπάργυρος πέτρα
Γεραίστιοί τε καταφυγαί· τά θ' Ἑλλάδος
†δύσφρον' ὀνειδίη† Φρυξὶν οὐκ ἐδώκαμεν·

Мы защитили, владыка, твоего отца,
Чтобы он мог иметь обитель в храмах в глубине эллинской страны.
Осталась нетронутой священная гавань Тенара
И пещеры мыса Малей, и скала Суния,
Принадлежащая божественной Афине, цела
Цела с серебром под нею,
И убежища Гераста. Мы не отдали
Элладу фригийцам (290-296).

Если образы троянок в «Гекубе» должны отсылать к персам, то пьеса эта оказывается тесно связанной с событиями середины 20-х гг. В это время Афины стали проявлять к Персии дипломатический интерес. В «Ахарнях» Аристофана (425 г.) говорится об обмене посольствами между персидским царем и Афинами, Фукидид сообщает об афинском посольстве в Персию в 424 г., прерванном из-за смерти царя Артаксеркса. У нас есть веские причины предполагать, что в начале правления нового царя Дария II Афины заключили с Персией договор о мире и вечной дружбе. Об этом договоре вспоминает тридцать лет спустя оратор Андокид в речи «О мире с лакедемонянами». По словам Андокида, в заключении мира важную роль сыграл его дядя Эпилик:

βασιλεῖ τῷ μεγάλῳ (χρὴ γὰρ ἀναμνησθέντας τὰ γεγενημένα καλῶς βουλευσασθαι) σπονδὰς ποιησάμενοι καὶ συνθέμενοι φιλίαν εἰς τὸν ἅπαντα χρόνον, ἃ ἡμῖν ἐπρέσβευσεν Ἐπίλυκος <ὁ> Τεισάνδρου, τῆς μητρὸς τῆς ἡμετέρας ἀδελφός,

с великим царем (ведь чтобы принять хорошее решение, нужно вспомнить прошлое)
мы заключили мир и договор о вечной дружбе, благодаря посольству брата моей матери
Эпилика, сына Тисандра (3.29)

С сообщением Андокида согласуется информация, которую можно почерпнуть из афинского декрета в честь Гераклида из Клазомен, оказавшего помощь афинскому посольству в Персии.³³ Как следует из строк 6-16, Гераклиду был присвоен титул проксена и благодетеля (εὐεργέτης) за его содействие (συμπράτ[τεν] в установлении мира (ἔς τε τὰσπονδάς) с персидским царем (βασιλέως). В надписи названы имена нескольких должностных лиц, возможно, идентичных чиновникам, которые известны нам из других документов и деятельность которых относится к 424/423 г.;³⁴ наконец, дядя Андокида Эпилик, возможно, совпадает с Эпиликом, бывшим в 424/423 г. секретарем первой притании (I² 324, строка 26). Таким образом, мир с Персией можно датировать 424/423 г.,³⁵ то есть тем самым временем, когда шла война во Фракии и афиняне потеряли Амфиполь. Не исключено, что как раз проблемы во Фракии стали одной из причин заключения договора с Дарием.³⁶

Замысел поставленной в это время трагедия «Гекуба» может быть непосредственно связан с новой политикой Афин. Фракийцы, бывшие прежде союзниками, и старые враги персы меняются местами, и потому первые удостоиваются поношения, а вторые восхваления.³⁷ «Гекуба» подчеркивает относительность обычных представлений о дружбе и вражде, предлагает новый, абсолютный критерий дружбы и свободы – доблесть, противопоставляет благородство троянок низости фракийцев, показывает, как благородство порождает дружбу, а

³³ IG II² 8, Meiggs, Lewis 1988, no. 70. См. Wase-Gery 1958, 207-211.

³⁴ Имя упомянутого в декрете в качестве эпистата Неоклида присутствует в трех надписях, относящихся к 424/423 г., где оно относится к секретарю притании Эгейды (IG I² 145; I² 87; I² 25); Фукидид, который, согласно, декрету, внес предложение, возможно, является Фукидидом, исполнявшим в том же году обязанности казначея (I² 324, строка 25).

³⁵ Помимо Wase-Gery, аргументы в пользу этой датировки см. также в книгах Meiggs, Lewis 1988, 202-203 и Lewis 1977, 76-77. Но даже если согласиться с сомнениями некоторых ученых, датирующих договор с Дарием более поздним временем (Blamire 1975, 25 предлагает 422/421 г., Thompson 1971 полагает, что мы можем лишь определить период 424-418 гг., в который договор был заключен, но не точную дату), оживление отношений с Персией в эти годы представляется фактом бесспорным. Точки зрения Raubitschek 1964, 156-157, относящего мир с Персией ко времени незадолго до начала Сицилийской экспедиции 415 г., или Harris, отрицающего и аутентичность речи Андокида (Harris 2000), и связь с ней надписи IG II² 8 (Harris 1999), недостаточно обоснованны. По мнению Харриса, например, слова надписи о посольстве οἱ πρέσβεις οἱ παρὰ βασιλέως ἤκοντες могут относиться только к послам, посланным персидским царем, но не к афинским послам, вернувшимся от царя, а потому декрет этот нельзя сопоставлять с пассажем из Андокида об посольстве афинян к царю; однако, в «Ахарнянах» Аристофана (ст. 61) выражение οἱ πρέσβεις οἱ παρὰ βασιλέως применяется к афинском посольству, пришедшем назад от персидского царя.

³⁶ Kagan 1987, p. 20.

³⁷ «Треугольным» отношениям в «Гекубе» между ахейцами, троянками и фракийцами ищет аналог в политической ситуации середины 420-х гг. и Шуберт (Schubert 2000). В том политическом «треугольнике», который, по его мнению, соответствует структуре пьесы, фигурирует и Персия, однако другими двумя сторонами оказываются у него Афины и Спарта; с моей точки зрения, в пьесе очень важна роль Фракии и фракийцев.

преступление вражду: эти смыслы должны были отражать изменившиеся в середине 20-х гг. отношения с двумя варварскими народами – персами и фракийцами. Возможно даже, трагедия была специально приурочена к переговорам с Персией о дружбе, и ее можно предположительно датировать весной 423 г.

1.2 «Ифигения в Тавриде» и афинская внешняя политика

Трагедия Еврипида «Ифигения в Тавриде» до сих пор не имеет ясной и убедительной интерпретации. Критики старшего поколения обращали внимание прежде всего на достоинства построения этой пьесы, не пытаясь найти в ней какой-то определенный смысл. Так, например, для Г. Марри «Ифигения в Тавриде» – «одна из самых красивых из сохранившихся пьес... Ее начало окрашено в мрачные тона, она движется к опасному моменту, затем к быстрым и рискованным приключениям и, наконец, к счастливому спасению».³⁸ Х. Китто отрицал само существование в ней серьезного смысла, полагая, что здесь «главной целью драматурга было создать эффектную сценичную пьесу, используя возможности своего искусства ради него самого, но не ради чего-то большего».³⁹

Позднейшие критики с большим вниманием отнеслись к содержанию трагедии, но все же предложенные ими толкования не свободны от слабостей и ошибок. Согласно наиболее распространенной точке зрения, главная тема «Ифигении» – иллюзии и незнание, лежащие в основании всех человеческих поступков. Как считает М. Райт,⁴⁰ Еврипид сообщает нам в этой трагедии свои нерадостные выводы о неспособности человека понять реальность и узнать истину. Действия персонажей и высказываемые ими суждения о богах и судьбе свидетельствуют, с его точки зрения, об ограниченности человеческого знания. Хотя боги и судьба ведут драму к счастливой развязке, все же, по мнению Райта, ощущение тщетности усилий людей перевешивает всю положительную сторону драмы. Об изменчивости и сложности создаваемой в пьесе реальности, в которой люди при всей их изобретательности неспособны достичь блага, говорит и Бернетт, придающая, однако, большее значение счастливой концовке: по ее мнению, жалость и добрая воля богов способны спасти людей и переменить горе на радость и несчастье на блаженство.⁴¹

Но если мы внимательнее посмотрим на текст пьесы, то увидим, что мотив иллюзии и незнания играет в ней лишь очень ограниченную роль. Это особенно очевидно, если сравнить «Ифигению» с «Еленой» – трагедией со схожим построением сюжета, которая действительно посвящена теме незнания и обмана. В «Елене» мотив иллюзии все время находится в центре

³⁸ Murray 1946: 145.

³⁹ Kitto 1961: 314.

⁴⁰ Wright 2005: 283–285, 362–363.

⁴¹ Burnett 1971: 14.

зрительского внимания, присутствуя в каждой ситуации – как в непосредственно связанных с главным сюжетным движением, так и во множестве побочных. В «Ифигении», напротив, мотив незнания возникает только в связи с одним сюжетным ходом – с моментом узнавания. Ифигения ошибочно предполагает, что Орест погиб; Орест не знает, что Ифигения жива; оба персонажа, встречаясь друг с другом, не догадываются о том, кого именно каждый из них видит перед собой, и Ифигения собирается принести Ореста в жертву – после чего происходит неожиданное узнавание, избавляющее их от убийства и гибели. Можно предположить, что незнание используется здесь только как драматический прием – оно создает напряжение, которое разрешается затем сценой узнавания.

Райт, как и прежде него С. Лашниг,⁴² обнаруживает более широкую сферу применения этого мотива. По мнению этих критиков, незнание определяет все действие трагедии, поскольку незнанием истинной судьбы Ифигении – ее чудесного спасения в момент, когда ее отец Агамемнон приносил ее в жертву Артемиде в Авлиде – обусловлена целая череда событий, заканчивающихся появлением Ореста в Тавриде. Если бы ахейцы знали о том, что Ифигения жива, Клитемнестра не стала бы мстить Агамемнону и не убила бы его, Оресту не пришлось бы убивать Клитемнестру, не пришлось бы страдать затем от преследования Эриний и искать спасения от них в Тавриде. Это рассуждение, однако, совершенно спекулятивно. Никто из персонажей ни разу не говорит о возможности иного развития событий и не сожалеет о незнании, ставшем причиной череды убийств.⁴³ Если какая-то причина бед в доме Агамемнона и называется, то совсем иная – это Елена, из-за которой началась Троянская война (ст. 522).

⁴² Wright 2005: 283, Lushnig 1972: 158.

⁴³ Подтверждение своей интерпретации Райт находит в диалоге Ореста и Ифигении после сцены узнавания – в одном месте, где Орест уклоняется от подробного рассказа об убийстве матери (σιγῶμεν αὐτὰ «Помолчим об этом», 925; ἔα τὰ μητρός· οὐδὲ σοὶ κλύειν καλόν «Оставь дела матери. И тебе не стоит слышать», 927; τὰ μητρός ταῦθ' ἃ σιγῶμεν κακά «Те беды матери, о которых мы молчим», 940). По мнению критика, «это повторяющееся умолчание в ответ на любопытство Ифигении является необыкновенно действенным способом подчеркнуть боль Ореста от осознания им напрасности его поступка» (Wright 2005: 284). Такое толкование очевидно надуманно. Единственная причина, по которой Орест избегает слов о матереубийстве – отвращение к самому этому поступку. Точно так же молчал он о нем и прежде узнавания, когда еще был уверен, что Ифигения мертва, и когда не мог еще предполагать, что все убийства были напрасны – ср. его нежелание продолжать рассказ о семейных несчастьях и говорить о смерти матери в их первом диалоге с Ифигенией в ст. 554: παύσαι νυν ἥδη μηδ' ἐρωτῆσθαι περὰ «Перестань уже и не спрашивай меня дальше». Толкование этого последнего пассажа Райтом («имплицитный смысл его отказа отвечать на вопросы не может ускользнуть от зрителей»), естественно, не более чем спекуляция.

Иную, нравственную интерпретацию «Ифигении в Тавриде» предложила Э. Белфиоре.⁴⁴ По ее мнению, главная тема трагедии – окончание кровопролития. В начале пьесы мы встречаемся с рядом убийств среди близких друг другу людей: Агамемнон принес в жертву свою дочь Ифигению, Клитемнестра убила своего мужа Агамемнона, их сын Орест убил Клитемнестру. В трагедии готовится еще одно убийство, которое должно стать высшей точкой в этой череде – Ифигения собирается убить своего брата. Однако на этот раз кровопролития удастся избежать, и отныне род Агамемнона будет избавлен от убийств. Такое описание действия трагедии кажется мне вполне верным, однако механизм избавления Белфиоре объясняет неправильно. Она полагает, что встреча с Орестом и Пиладом влечет за собой нравственную перемену в состоянии Ифигении. В начале трагедии героиня, по мнению Бельфиоре, жестока и безжалостна к своим жертвам, но когда она видит Ореста, а также и Пилада – друга *par excellence*, всегда верного своим близким – в ней просыпаются человеческие чувства и она принимает на себя обязательства дружбы, отказываясь от кровопролития. Такое представление о нравственном преображении Ифигении совершенно противоречит тексту пьесы. С самого начала Ифигения уже сожалеет о своей тяжелой участи – о необходимости исполнять варварский обряд и приносить в жертву эллинов (35–36, 218–228) – и переживает о судьбе своего брата, который, как она думает, мертв (143–166), так что никакой внезапной перемены с ней не происходит. От кровопролития спасает ее не осознание ею своих нравственных обязательств, а внешние обстоятельства – судьба и воля богов.

Еще одна, ритуальная интерпретация, предложенная Сансоне,⁴⁵ также основана ошибочном истолковании происходящих в пьесе событий. Сансоне начинает свое рассуждение со справедливого сопоставления и сближения ожидаемого в пьесе жертвоприношения Ореста с принесением в жертву Ифигении Агамемноном. Из сходства между ними, однако, он делает совсем не очевидный вывод: убийство Ореста должно стать, по его мнению, ритуальным воспроизведением убийства Ифигении, и осуществление этого ритуала (оканчивающегося, подобно жертвоприношению Ифигении, счастливым избавлением жертвы) освобождает героев от необходимости убивать. Если в начале пьесы, как считает Сансоне, Ифигения полна горьких воспоминаний о том, как жестоко греки поступили

⁴⁴ Belfiore 2000: 21–38.

⁴⁵ Sansone 1975.

с ней в Авриде, и жаждет отмщения, то ритуал, исполняемый ею в Тавриде, наделяет и ее, и Ореста мудростью – они осознают доставшееся им от предков наследие насилия и жестокости, и потому теперь род их может очиститься. Все эти высказанные Сансоне идеи ошибочны. Во-первых, никакого ритуала жертвоприношения Ифигения в трагедии не совершает, даже не начинает его. Во-вторых, Ифигения не нуждается в жертве, чтобы отомстить за свое убийство в Авлиде. Однажды она действительно заявляет, что рада была бы принести в жертву Елену и Менелая, которых считает истинными виновниками своей гибели, но никто другой, а тем более Орест, заменить их не могут;⁴⁶ ее слова должны сообщить нам не о живущей в ней жажде мести, а о том, что является главной причиной трагической ситуации, в которой оказалась героиня. Наконец, мысль Сансоне об осознании героями родового наследия насилия и варварства является чистейшей спекуляцией, никакого подтверждения ей в тексте нет.

Чтобы понять смысл, который вкладывал Еврипид в историю о приключениях Ореста и Ифигении, стоит начать с подробного анализа всех мотивов, составляющих тематическую структуру трагедии. Самый очевидный из этих мотивов – это мотив варварства. Он звучит уже в самом начале пьесы, в прологе, где Ифигения рассказывает о том, как Артемида перенесла ее с алтаря в Авлиде в страну тавров, οὗ γῆς ἀνάσσει βαρβάροισι βάρβαρος / Θόας «где страной правит у варваров варвар, / Тоант» (31–32). Здесь же названо и главное качество этой страны, главная ее черта – обычай приносить в жертву заплывающих сюда эллинов:

ὅθεν νόμοισι τοῖσιν ἥδεται θεὰ
Ἄρτεμις, ἑορτῆς, τοῦνομ' ἧς καλὸν μόνον –
τὰ δ' ἄλλα σιγῶ, τὴν θεὸν φοβουμένη,
θύω γὰρ ὄντος τοῦ νόμου καὶ πρὶν πόλει,
ὅς ἂν κατέλθῃ τήνδε γῆν Ἑλλήν ἀνὴρ –
κατάρχομαι μὲν, σφάγια δ' ἄλλοισιν μέλει

Потому по обычаю (который нравится богине
Артемиде) праздника, чье имя лишь прекрасно –
А о прочем я молчу, страшась богини,

⁴⁶ Ср. Strachan 1976: 135.

Ведь по обычаю, и прежде бывшему в государстве, я приношу в жертву
Всякого эллина, который придет в эту страну:
Я начинаю ритуал, а закланием занимаются другие (35–40).

Не раз мы и дальше встречаем антитезу варварской страны и Эллады, и всякое замечание о варварстве тавров сопровождается словами об этом обычае. В пародии Ифигения оплакивает свою горькую судьбу жить вдали от родины в бесплодном варварском краю (218) и проливать на алтарь кровь греков (225–226). В первом стасиме хор, только что узнавший о пленении оказавшихся в Тавриде двух греческих юношей, задается вопросом, кто они, оставившие прекрасную Элладу и пришедшие в дику страну, где человеческая кровь орошает алтарь и храм богини:

τίνες ποτ' ἄρα τὸν εὐδρον δονακόχλοον
λιπόντες Εὐρώταν
ἢ ρεύματα σεμνὰ Δίρκας
ἔβασαν ἔβασαν ἄμεικτον αἶαν, ἔνθα κούρα
δίᾳ τέγγει
βωμοὺς καὶ περικίονας
ναοὺς αἶμα βρότειον;

Так кто же это оставил прекрасноводный,
С тростниковой зеленью Еврот
Или священные потоки Дирки
И пришел, пришел в дику страну, где для девы
Божественной орошает
Алтари и храмы с колоннами
Кровь человеческая (399–406).

Когда во втором стасиме составляющие хор эллинские девушки рассказывают о своих несчастьях, о том, как они были взяты в рабство и проданы в варварский край, они вновь

называют главной особенностью этой страны человеческие жертвоприношения, в которых они вынуждены участвовать:

ζαχρύσου δὲ δι' ἐμπολᾶς
νόστον βάρβαρον ἦλθον,
ἔνθα τᾶς ἐλαφοκτόνου
θεᾶς ἀμφίπολον κόραν
παῖδ' Ἀγαμεμνονίαν λατρεύ-
ω βωμούς τ' οὐ μηλοθύτας

В результате золотой торговли
Я отправилась в варварский путь
Туда, где я прислуживаю деве-жрице
Убивающей оленей богини,
Агамемноновой дочери
И алтарям, где в жертву приносят не овец (1111–1116).

Ифигения мечтает о возвращении из варварского края домой в Элладу прежде всего потому, что оно избавит ее от совершения этих жертвоприношений. В своем письме, которое она собирается послать на родину Оресту, она написала:

Κόμισαί μ' ἐς Ἄργος, ὃ σύναιμε, πρὶν θανεῖν,
ἐκ βαρβάρου γῆς καὶ μετάστησον θεᾶς
σφαγίων, ἐφ' οἷσι ξενοφόνους τιμὰς ἔχω

Увези меня в Аргос, брат, прежде чем умру,
Из варварской страны и избавь от заклятий
Богине, в которых я исполняю почетный долг убивать чужеземцев (774–776).

Таврида называется страной «негостеприимной» (ἄξενος, 94), получая эпитет, изначально характеризовавший Черное море (ср. 125, 218, 253, 341, 395, 1338), и название это

ассоциируется в трагедии с обычаем убивать гостей-чужеземцев (ξένοι, ср. 53, 75, 278, 336–337, 344, 776, 1021, 1081, 1154).

Впрочем, это противопоставление варварского и эллинского мира не столь однозначно. В самой Элладе, в семье Ифигении и Ореста, происходили события, которые с самого начала трагедии сопоставляются и соотносятся с варварскими обычаями Тавриды.

Пролог трагедии начинается рассказом Ифигении о том, как в Авлиде отец принес ее в жертву Артемиде ради того, чтобы ахейские корабли смогли отплыть в Трою:

τῆς Τυνδαρείας θυγατρὸς Ἰφιγένεια παῖς,
ἦν ἀμφὶ δίναις ἅς θάμ' Εὐριπὸς πυκναῖς
αὔραις ἐλίσσων κυανέαν ἄλα στρέφει,
ἔσφαξεν Ἑλένης οὖνεχ', ὥς δοκεῖ, πατὴρ
Ἀρτέμιδι κλειναῖς ἐν πτυχαῖσιν Αὐλίδος

Тиндареевой дочери дитя, Ифигения,
Которую возле водоворотов, что крутит Еврип,
Все время вращая темное море частыми ветрами,
Заклал, как думают, отец ради Елены
В славных ущельях Авлиды (5–9).

Подробное описание всех обстоятельств этого жертвоприношения занимает почти половину ее монолога (5–27), и вслед за тем героиня сообщает о своей последовавшей судьбе – о том, как, спасенная Артемидой, она должна участвовать в человеческих жертвоприношениях этой богине в стране тавров (30–40). Такое соположение рассказов о двух нечестивых ритуалах заставляет подумать о сходстве между ними, и эта переключка подчеркивается совпадением деталей – в обоих случаях жертвы приносятся Артемиде, и в обоих случаях заклятие названо одним и тем же словом σφάζειν (ἔσφαξεν в ст. 8 и σφάγια в ст. 40).

Кроме этого сообщения о гибели Ифигении⁴⁷ от рук отца во вступительном монологе героини содержится косвенное упоминание еще нескольких убийств в ее роду, совершенных близкими родственниками. Она начинает речь с перечисления своих предков:

Πέλοψ ὁ Ταντάλειος ἐς Πῖσαν μολῶν
θοαῖσιν ἵπποις Οἰνομάου γαμεῖ κόρην,
ἐξ ἧς Ἀτρεὺς ἔβλασθεν· Ἀτρέως δὲ παῖς
Μενέλαος Ἀγαμέμνων τε· τοῦ δ' ἔφυν ἐγώ
τῆς Τυνδαρείας θυγατρὸς Ἰφιγένεια παῖς

Пелоп, Танталов сын, придя в Пису
С быстрыми конями, женился на дочери Эномая,
Которая родила ему Атрея. Сын Атрея –
Менелай и Агамемнон. От него родилась я,
Дитя Тиндареевой дочери Ифигения (1–5).

Имена почти всех названных здесь персонажей связаны в сознании зрителей с убийствами,⁴⁸ и обо всех этих убийствах будет рассказано далее в трагедии. Тантал убил своего сына Пелопса, приготовил блюдо из его мяса и подал его пирующим богам. Эту историю позже Ифигения сравнит с жертвоприношениями в Тавриде, когда станет высказывать свои сомнения в том, действительно ли боги принимают подобные жертвы:

⁴⁷ Хотя Ифигения и не погибла, но лишь считалась погибшей, в то время как на самом деле была спасена Артемидой, тем не менее и нравственно, и эмоционально ее жертвоприношение должно восприниматься как убийство и гибель (ср. Belfiore 2000: 24). Например, тавр, взявший в плен Ореста и Пилада, полагает, что теперь Ифигения сможет отомстить за свое убийство: τὸν σὸν Ἑλλάς ἀποτείσει φόνον / δίκας τίνουσα τῆς ἐν Αὐλίδι σφαγῆς «Эллада возместит твое убийство, / заплатив наказание за заклание в Авлиде» (338-339); Ифигения упрекает Артемиду в том, что она радуется убийствам людей (θυσῖαις ἥδεται βροτοκτόνοις, 384), имея в виду и человеческие жертвоприношения в Тавриде, и свою собственную гибель в Авлиде; она оплакивает свою смерть и судьбу отца, вынужденного стать убийцей дочери (τάλαιν' ἐκείνην χά κτανὼν αὐτὴν πατὴρ ««Несчастлива она и убивший ее отец», 565); наконец, еще раз Ифигения говорит об убийстве, совершенном отцом, в ст. 920: πατὴρ ἔκτεινέ με «Отец убил меня». Во вступительном монологе Ифигения применяет к своему убийству имперфект ἐκαίνόμεν «Я была убита» (27), и комментаторы понимают его как имперфект попытки: «Я была убиваема» (но не убита), Кутиакου 2006: 60, on 24b–27, Parker 2016: 60, on 26–27 (“The attempt was made to kill me”), однако естественнее трактовать эту форму как «вневременной» инфект – «была убита» (ср. подобное употребление καίνειν в «Хоэфорах» Эсхила 886 и комментарий А. Гарви, Garvie 1986: 289, on 886).

⁴⁸ Об ассоциации генеалогии Ифигении с убийствами внутри семьи см. Belfiore 2000: 22–23, Bremmer 2013: 87.

ἐγὼ μὲν οὖν
τὰ Ταντάλου θεοῖσιν ἐστιάματα
ἄπιστα κρίνω, παιδὸς ἡσθῆναι βορᾶ,
τοὺς δ' ἐνθάδ', αὐτοὺς ὄντας ἀνθρωποκτόνους,
ἐς τὴν θεὸν τὸ φαῦλον ἀναφέρειν δοκῶ.
οὐδένα γὰρ οἶμαι δαιμόνων εἶναι κακόν

Что до меня, то я считаю
Танталово угощение богам
Невероятным – чтобы они наслаждались пожиранием ребенка;
И туземцы тоже, как я думаю, сами будучи человекоубийцами,
Списывают свой порок на богиню.
Я уверена: никто из божеств не зол (386–391).

Пелопс, в свою очередь, получил себе в жены дочь царя Писы Эномая Гипподамию, не просто победив его в состязании на колесницах, но и убив его. Этот миф будет играть важную роль в сцене узнавания: последний предмет, знание о котором заставит Ифигению поверить, что перед ней ее брат Орест, – это копье, послужившее орудием убийства⁴⁹ и хранившееся в Аргосе в ее девичьих покоях:

Πέλοπος παλαιὰν ἐν δόμοις λόγχην πατρός,
ἥν χερσὶ πάλλων παρθένον Πισάτιδα
ἐκτίσας Ἴπποδάμειαν, Οἰνόμαον κτανών,
ἐν παρθενῶσι τοῖσι σοῖς κεκρυμμένην

В доме отца древнее копье Пелопса,

⁴⁹ В более известной нам версии этого мифа Эномай погиб во время состязания с Пелопсом в колесничном беге, замотанный поводьями своей колесницы. Еврипид выбирает здесь иную версию – Пелопс собственноручно убивает Эномая копьем. Очевидно, такой вариант мифа нужен Еврипиду, чтобы уподобить это убийство всем последующим убийствам в роду Пелопса.

Потрясая которым в своих руках он получил
Девушку из Писы Гипподамию, убив Эномая, –
Копье, спрятанное в твоих девичьих покоях (823–826).

Наконец, Атрей, споря со своим братом Фиестом за золотого ягненка, символ царской власти в Аргосе, убил его сыновей и предложил их мясо Фиесту на пиру; тогда, ужаснувшись, само Солнце обратило назад свой бег. О золотом ягненке вспоминает хор в пародии, возводя к нему беды в царском доме в Аргосе (195–196), в том же месте сказано и об изменении движения Солнца (193–194); обе эти истории изображены на хранящихся в Аргосе тканях с вышивкой, о которых Ифигения спрашивает Ореста, проверяя его в сцене узнавания:

{Ор.} Ἀτρέως Θυέστου τ' οἶσθα γενομένην ἔριν;
{Иф.} ἤκουσα· χρυσῆς ἀρνὸς ἦν νείκη πέρι.
{Ор.} ταῦτ' οὖν ὑφήνασ' οἶσθ' ἐν εὐπῆνοις ὑφαῖς;
{Иф.} ὦ φίλτατ', ἐγγὺς τῶν ἐμῶν χρίμπτη φρενῶν.
{Ор.} εἰκὼ τ' ἐν ἱστοῖς ἡλίου μετάστασιν;
{Иф.} ὕφηνα καὶ τόδ' εἶδος εὐμίτοις πλοκαῖς.

(Орест) Ты знаешь о ссоре, случившейся у Атрея и Фиеста?
(Ифигения) Да, я слышала. У них был спор за золотого барана.
(Орест) Ты знаешь, что ты вышила это на тканях с прекрасными нитями?
(Ифигения) Милый, ты совсем приблизился к моей мысли.
(Орест) И изображение на ткани, перемену хода солнца?
(Ифигения) Да, и эту картину я вышила прекраснотными стежками (812–817).

Примечательно, что еще один, четвертый предмет, который обсуждают Ифигения и Орест в момент узнавания, отсылает к последнему из убийств, упоминаемых во вступительном монологе героини – к принесению ее в жертву Агамемноном. Это вода для ритуального очищения перед свадьбой, которую послала ей мать в Авлиду, когда обе они были уверены, что Ифигения отправляется для брака, а не для смерти:

{Ор.} καὶ λούτρ' ἐς Αὔλιν μητρὸς ἀδέξω πάρα;
{Иф.} οἶδ'· οὐ γὰρ ὁ γάμος ἐσθλὸς ὢν μ' ἀφείλετο

(Орест) И воду для очищений, что ты получила в Авлиду от матери?

(Ифигения) Знаю. Ведь не был мой брак так хорош, чтобы лишить меня этого воспоминания (818–819).

Итак, уже в прологе жертва Ифигении сопоставляется с жертвоприношениями в Тавриде и в то же время вписывается в череду убийств в роду Тантала. Вторая часть пролога, содержащая беседу Ореста и Пилада, добавляет в этот ряд еще два убийства, которые также сравниваются с варварским ритуалом в стране тавров. Появляясь на сцене перед храмом Артемиды, Орест и Пилад рассматривают здание храма и алтарь, несущие на себе следы нечестивого ритуала:

{Ор.} καὶ βωμός, Ἑλλήν οὗ καταστάζει φόνος;
{Пв.} ἐξ αἱμάτων γοῦν ξάνθ' ἔχει τριχώματα.

(Орест) И это алтарь, на который проливается кровь?

(Пилад) Да, от крови у него будто рыжая шевелюра (72–73).

В следующих за этим пассажем стихах Орест обращается с горьким упреком к Аполлону, пославшему его в это мрачное место, чтобы он смог очиститься от совершенного им убийства матери и спастись от преследующих его Эриний. Орест вспоминает здесь и о собственном деянии, и об отце, павшем от руки Клитемнестры:

ὦ Φοῖβε, ποῖ μ' αὖ τήνδ' ἐς ἄρκυν ἤγαγες
χρήσας, ἐπειδὴ πατρὸς αἴμ' ἐτεισάμην,
μητέρα κατακτάς

Феб, в какие сети ты меня привел на этот раз,

Дав мне пророчество, когда я отомстил за кровь отца,
Убив мать (77–79).

Между описанием варварских жертвоприношений и рассказом об убийствах в Аргосе вновь возникает переключка, подобная той, что мы видели в монологе Ифигении; как и там, здесь она опирается на повтор ключевого слова – в данном случае, слова αἷμα «кровь» (ср. ἐξ αἱμάτων в ст. 73 и αἷμα в ст. 78).

Эти перекликающиеся между собою мотивы, варварского ритуала и убийств в аргосском царском роду, соединяются друг с другом в новом готовящемся убийстве, – в убийстве Ореста Ифигенией, движение к которому определяет все действие в первой половине трагедии. С одной стороны, оно должно стать еще одной, последней точкой в ряду убийств, совершаемых близкими родственниками в аргосской царской семье, но в то же время оно готовится как ритуальное жертвоприношение Артемиде в варварской стране тавров. Ореста и Пилада схватили пастухи, чтобы по туземному варварскому обычаю принести их в жертву Артемиде: ἔδοξε <...> / θηρᾶν τε τῇ θεῷ σφάγια τὰ πυχόρια «Мы решили / поохотиться для богини за жертвами, принятыми в этом краю» (279–280). В то же время предстоящее убийство Ореста сближается с другими сценами кровопролития в его семье. Прежде всего, оно сравнивается с убийством Ифигении в Авлиде. Переключка между жертвоприношениями Ореста и Ифигении особенно очевидна в лирическом диалоге (амебее) этих двух персонажей после сцены узнавания (850–872). Диалог начинают слова Ореста, задающие его основную тему: γένει μὲν εὐτυχούμεν, ἐς δὲ συμφοράς, / ὦ σύγγον', ἡμῶν δυστυχῆς ἔφθ βίος «Мы счастливы родом, сестра, но от бед наша жизнь несчастна» (850–851). Из всех несчастий семьи дальше обсуждаются только два – гибель Ифигении в Авлиде (853–864) и чуть было не совершенное ею убийство Ореста здесь в Тавриде (866–872), а описывающие их слова выбраны таким образом, чтобы подчеркнуть сходство между ними. Вспоминая события в Авлиде, Ифигения восклицает: φεῦ φεῦ χερνίβων <τῶν> ἐκεῖ «Ах, тамошние омовения!» (861). Говоря о «тамошних омовениях», то есть об очищении, начинавшем ее закляние, героиня имплицитно сопоставляет их с той частью ритуала жертвоприношения, которую исполняет она сама здесь, в Тавриде, и которую собиралась совершить над Орестом: дело в том, что слово χέρνιβες постоянно появляется в пьесе в этом значении, причем всякий раз – применительно к принесению в жертву Ореста (58, 244, 335, 644, 1190). На сожаление Ифигении об омовениях в Авлиде Орест отвечает

горьким восклицанием ὦμωξα κάγω τόλμαν ἦν ἔτλη πατήρ «И я плачу о дерзости, на которую решился отец» (862). Эти же слова, τόλμα и тλῆναι, несколькими стихами далее повторяет Ифигения, имея в виду уже свое собственное намерение убить Ореста: ὦ μελέα δεινᾶς τόλμας. δειν' ἔτλαν / δειν' ἔτλαν, ὦμοι σύγγονε «Ах я несчастная из-за моей ужасной дерзости! На ужасное я решилась, на ужасное я решилась, ах, брат!» (869–870). Немногим ранее выражение δεινὰ тлῆναι в том же смысле употреблял Орест, спрашивая Ифигению, кто принесет его в жертву и совершит тем самым страшное убийство: θύσει δὲ τίς με καὶ τὰ δεινὰ τλήσεται; «Кто принесет меня в жертву и решится на ужасное?» (617), на что Ифигения отвечала: «Я» (ἐγώ, 618). Но более того, те же слова δεινὰ и тлῆναι применяются в трагедии и к другим убийствам в семье Агамемнона. Например, в первом своем диалоге с Ифигенией, перед узнаванием, Орест говорит ей об убийстве отца матерью: δεινῶς γὰρ ἐκ γυναικὸς οἴχεται σφαγεῖς «Он принял ужасную смерть, принесенный в жертву женой» (553); и теми же словами в следующей Ифигения спрашивает Ореста о совершенном им убийстве матери: τὰ δεινὰ δ' ἔργα πῶς ἔτλης μητρὸς πέρι; «Как ты решился на ужасный поступок против матери?» (924).

Сходство между разными убийствами подчеркивается и другими способами. Например, узнав от Ореста об убийстве отца матерью, Ифигения жалеет их обоих: ὦ πανδάκρυτος ἢ κτανοῦσα χῶ θανών «Достойны слез и та, что убила, и тот, что погиб» (553), а немногим далее в том же диалоге почти теми словами оплакивает себя и сочувствует отцу, вынужденному стать ее убийцей: τάλαιν' ἐκείνη χῶ κτανὼν αὐτὴν πατήρ «Несчастлива и она, и убивший ее отец» (565). Во всех случаях одним и тем же оказывается орудие убийства – это меч. Мечом была убита Ифигения (ἐκαινόμην ξίφει, 27, ср. также φάσγανον, 785 и 853), мечом тавры приносят в жертву Артемиде эллинов (ξίφει, 621), от меча должен был погибнуть и Орест (ξίφος, 880, 1190), и, наконец, мечом Орест убил Клитемнестру (ξίφει, 1173).

Итак, главный мотив трагедии – мотив варварских жертвоприношений – постоянно ассоциируется с внутрисемейными убийствами в доме Агамемнона, а ожидаемое в трагедии принесение в жертву Ореста Ифигенией должно соединить вместе варварский ритуал и беды аргосской царской династии. Проблема человеческих жертвоприношений в стране варваров едва ли интересует Еврипида сама по себе; их постоянное сравнение и сближение с событиями в семье Агамемнона позволяет нам предположить, что данный мотив служит для символического выражения внутренних раздоров в самом эллинском мире.

Метафорическое представление убийств в роду Атрея как нечестивых жертвоприношений напоминает один из главных сквозных образов «Орестей» Эсхила: отталкиваясь от гибели Ифигении и пира Фиеста, которые были жертвоприношениями в прямом смысле слова, Эсхил применяет образ ритуального акта и к другим событиям – к убийству Клитемнестрой Агамемнона в «Агамемноне» (1117–1118, 1433), к гибели Клитемнестры от рук Ореста в «Хоэфорах» (904). Наконец, в «Эвменидах» жертвой оказывается уже Орест, причем жертвой, посвященной Эриниям: Эринии сравнивают его с откормленным для них жертвенным животным (304), говорят о нем как о жертве во искупление убийства матери (326–327) и называют его словом *τέθρμενός* «принесенный в жертву» (328). В самом конце трилогии, однако, Эринии отказываются от человеческой жертвы; они заменяют ее жертвоприношением чистым и священным, принять которое их приглашает богиня Афина (1006). Еврипид использует образ человеческого жертвоприношения в том же значении, что и Эсхил: человеческие жертвоприношения становятся символом убийств в роду Атрея.

Сохраняя Эсхилов образ, Еврипид добавляет в него одну существенную черту – мотив варварства. Человеческие жертвоприношения получают пространственное географическое выражение, будучи связаны со страной тавров.

Поскольку убийства в семье Агамемнона соотносятся у Еврипида с варварским ритуалом в стране тавров, то и избавление от них выражается географически – в бегстве Ифигении и Ореста из Тавриды. Артемиду преобразит именно пространственное перемещение ее статуи из варварской Тавриды, поскольку именно вследствие этого богиня откажется от человеческих жертвоприношений. Вызволив статую Артемиды из страны тавров, Орест тем самым спасет от преследования Эриний и себя самого, и весь род Пелопса (983–986).

Варварская Таврида, главной особенностью которой являются жертвоприношения эллинов и которая символически выражает варварство в самом греческом мире, а именно, убийства близких, противопоставлена другому пространственному полюсу, воплощающему в себе цивилизованность и мир. Этот второй полюс – Афины и Аттика. Именно сюда должны быть перенесены статуя и культ Артемиды для того, чтобы царский дом Аргоса очистился от убийств. Противопоставление этих двух полюсов, дикой страны тавров и блаженных Афин, очевидно, например, в молитвенных словах, которые обращает к Артемиде Ифигения, прося

богиню помочь ей и Оресту с Пиладом убежать. Ифигения указывает Артемиде на радость, которую та обретет благодаря их бегству:

ἀλλ' εὐμενῆς ἔκβηθι βαρβάρου χθονὸς
ἐς τὰς Ἀθήνας· καὶ γὰρ ἐνθάδ' οὐ πρόπει
ναίειν, παρόν σοι πόλιν ἔχειν εὐδαίμονα

Благосклонно отправься из варварской страны
В Афины. Не подходит тебе жить
Здесь, когда можно владеть счастливым городом (1086–1088).

Таким образом, город Афины должен ассоциироваться с избавлением рода Пелопидов от убийств. Эта связь Афин с прекращением несчастий в аргосской царской семье подчеркивается и той особой ролью, которую играет в трагедии покровительница этого города богиня Афина. Она появляется в критический момент действия, когда Посейдон волнует море и возвращает к берегу только что отплывший корабль с Ифигенией, Орестом и Пиладом и когда царь тавров Тоант готов схватить беглецов. Как сообщает она Тоанту, по ее просьбе Посейдон успокаивает морскую волну, чтобы Орест смог беспрепятственно отплыть в Элладу (1442–1445). Самому Тоанту она велит прекратить преследование Ореста и Ифигении, и, наконец, в последней реплике пьесы Афина обещает сопровождать корабль Ореста и дальше до самого дома, храня священную статую Артемиды (συμπореύσομαι δ' ἐγὼ / σῶζουσ' ἀδελφῆς τῆς ἐμῆς σεμνὸν βρέτας, «Я буду следовать вместе с ними [Орестом и Ифигенией], / Храня почтенную статую моей сестры» 1488–1489).

Итак, подытожим наше описание основной части тематической структуры «Ифигении». Освобождение из варварской страны тавров и избавление от принятых у них человеческих жертвоприношений символически выражает прекращение внутрисемейных убийств среди Пелопидов, и важнейшую роль в этом играет город Афины, куда должна переместиться из Тавриды статуя Артемиды и ее жрица Ифигения, и богиня Афина, без которой бегство из Тавриды было бы невозможно.

Главная тема «Ифигении в Тавриде» – это избавление рода Пелопидов от внутрисемейных убийств; избавление наступает благодаря сочетанию находчивости и

мужества самих Пелопидов со спасительной помощью Аполлона и особенно Афины. Теперь возникает вопрос, какой смысл могла нести эта тема и почему Еврипид обращается к ней.

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратить внимание на две важные детали. Во-первых, убийства в семье Агамемнона и в роду Пелопидов изображаются не как частные несчастья конкретных людей, но как болезнь царского дома в целом и даже шире – как беда, постигшая весь Аргос. Когда в начале пьесы Ифигения увидела сон о гибели Ореста, она оплакивает судьбу всего дома (οὐκ εἶσ' οἴκοι πατρῷοι «Нет больше отцовского дома», 153) и Аргоса (φεῦ φεῦ τῶν Ἄργει μόχθων «Ах, несчастья в Аргосе», 155), и ей вторит хор: οἴμοι, τῶν Ἀτρεΐδαν οἴκων «Ох, дом Атридов!» (186). Ифигения и Орест не раз говорят о своем доме как пребывающем в смятении (ᾧ συνταραχθεὶς οἶκος, 557) и больном (νοσοῦντα μέλαθρα, 693-694; νοσοῦντας δόμους, 930; νοσοῦντά οἶκον, 992), но их забота о доме – вместе с тем и забота обо всем Аргосе (Ἄργος εἰ πράσσει καλῶς «все ли хорошо в Аргосе», 668). Умоляя Ифигению помочь ему спастись и увезти статую Артемиды, Орест утверждает, что иначе погибнет весь дом Пелопидов (ὥς τᾶμ' ὄλωλε πάντα καὶ τὰ Πελοπιδῶν «погибла вся моя жизнь и вся жизнь Пелопидов», 985)

О том, что Еврипиду важно связать события трагедии с судьбой Аргоса, говорит и многократное упоминание имени этого города – 26 раз, что намного больше, нежели в других трагедиях о судьбе семьи Агамемнона (10 раз в «Электре», 12 в «Оресте» и 9 в «Ифигении в Авлиде»).

Еще один факт, который необходимо учитывать при интерпретации «Ифигении в Тавриде» – это традиционная ассоциация убийств близких родственников в мифологических сюжетах трагедий с гражданской войной. Такая связь хорошо видна в произведении, особенно повлиявшем на весь образный строй «Ифигении» – в «Орестее» Эсхила. В финальной сцене «Эвменид» Афина призывает Эриний не вызывать в Афинах внутренней смуты и гражданской войны:

σὺ δ' ἐν τόποισι τοῖς ἐμοῖσι μὴ βάλῃς
μήθ' αἱματηρὰς θηγάνας, σπλάγγνων βλάβας
νέων, αἰοίνοις ἐμμανεῖς θυμώμασιν,
μήτ', ἐξελοῦσ' ὥς καρδίαν ἀλεκτόρων,
ἐν τοῖς ἐμοῖς ἀστοῖσιν ἰδρύσης Ἄρη

ἐμφύλιόν τε καὶ πρὸς ἀλλήλους θρασύν

Не бросай в мои земли

Точила кровопролития, вред для юных

Сердец, безумные яростью без вина,

И не надо, словно бы вырывая сердце у петухов,

Пересаживать в моих граждан Ареса

Внутриплеменного и дерзкого друг против друга (858–863);

богиня желает войны с внешними врагами (θυραῖος ἔστω πόλεμος, 864), но хочет предотвратить междоусобную вражду (ἐνοικίου δ' ὄρνιθος οὐ λέγω μάχην «Я говорю, что не будет битвы птицы у себя в доме», 866). Эринии отвечают на просьбу Афины согласием:

τὰν δ' ἄπληστον κακῶν

μήποτ' ἐν πόλει στάσιν

τῷδ' ἐπεύχομαι βρέμειν.

μηδὲ πιῶσα κόνις μέλαν αἷμα πολιτῶν

δι' ὀργὰν ποινᾶς

ἀντιφόνους ἄτας

ἀρπαλίσαι πόλεως

Я молю, пусть раздор,

Ненасытный до зла, никогда

Не вопит в этом городе,

И пусть пыль не пьет черной крови граждан

И в жажде мести

Не хватает с жадностью

Бедствия убийств – убийств в расплату за убийства (976–983).

Эти стихи связаны тесной тематической связью с описанием действий Эриний в предыдущих частях трилогии – с изображением их зловещей роли в судьбе рода Атрея и семьи

Агамемнона.⁵⁰ Произнесенное Эриниями слово «раздор» (στάσις), имеющее очевидную политическую коннотацию, впервые употребляет Кассандра в «Агамемноне», применяя его к внутрисемейной вражде. Кассандра взывает к Раздору с просьбой отомстить Клитемнестре за убийство Агамемнона: στάσις δ' ἀκόρετος γένει / κατολολυζάτω θύματος λευσίμου «Пусть ненасытный раздор поднимет для рода / ликующий вопль над жертвоприношением, заслуживающим побивания камнями» (1117-1118), и хор в своем ответе на эту реплику отождествляет этот семейный раздор с Эринией: ποίαν Ἐρινὸν τήνδε δώμασιν κέλη / ἐπορθιάζειν; «Что за Эринию ты призываешь поднять крик над домом?» (1119-1120). В «Хоэфорах» то же слово στάσις дважды (ст. 114 и 458) относится к заговору Ореста и Ифигении против Клитемнестры и Эгисфа. Наконец, начало бед в Аргосе связывалось в «Агамемноне» с политическим спором – с борьбой за власть между Атреем и Фиестом (ср. об Атрее ἀμφίλεκτος ὢν κράτει, 1585), убийство Агамемнона рассматривалось как свержение законной власти, ведущее к установлению тирании (τὴν διπλὴν τυραννίδα, «Хоэфоры» 973), и во всех этих событиях участвовали Эринии, чья жажда крови описывалась словами, очень близкими данному пассажиру из «Эвменид» (ср. «Агамемнон» 1188–1189, «Хоэфоры» 577–578, ср. также о крови, пролитой на землю и взыскующей в расплату новой крови в «Хоэфорах» 400–402). Теперь, в конце «Орестей», Эринии готовы послушаться уговоров Афины и не сеять более внутренних раздоров в городе точно так же, как отказываются они и от требования возмездия в отношении членов семьи Атридов.

Столь очевидная ассоциация внутрисемейной распри и внутриполитической вражды позволяет сделать предположение о том, что первая служит метафорическим образом для второй: убийства в роду Атрея являются аллегорией гражданской войны. Но какую гражданскую войну мог иметь в виду Эсхил?

Реплики Афины и Эриний в финале «Эвменид» касаются судьбы Афин и вполне отвечают ситуации в Афинах в момент постановки «Орестей» (458 г.). Незадолго до того, в 462–461 г. в Афинах произошли демократические реформы, сильно изменившие политическое

⁵⁰ На эту связь указывает С. Саид (Saïd 1983): она справедливо возражает мнению многих комментаторов (Dodds 1973: 51–52, Dover 1957: 235, ср. также Sommerstein, 1989: 251, op 858–866), которые считают стихи 858–869 позднейшей вставкой (сделанной, возможно, прямо перед постановкой самим автором), поскольку, по их мнению, эти строчки слабо связаны с содержанием трагедии, но при этом отражают политическую ситуацию в Афинах, грозившую началом гражданской войны. Саид показала, что стихи 858–869 прекрасно вписываются в пьесу: заявленная в них тема гражданской войны должна ассоциироваться с раздорами в семье Агамемнона, которые были вызваны вмешательством Эриний. О связи стихов 976–983 с предшествующими событиями трилогии см. Sommerstein 1989: 270, op 980–983.

устройство города. Однако в 461 г. погиб Эфиальт, стоявший во главе реформаторов; его гибель была или, по крайней мере, считалась его сторонниками политическим убийством. В последовавшие за этим годы враги Эфиальта и сторонники олигархии пытались вернуть себе утраченное положение в государстве, а кто-то друзей Эфиальта, вероятно, готов был мстить за своего лидера. В словах Афины, просящей Эриний воздержаться от возбуждения гражданской войны, должно быть, выражена надежда на прекращение внутренней смуты в Афинах.

Однако в то же время «Орестея» отсылает нас к важнейшему событию внешнеполитической истории Афин – заключению военного и политического союза с Аргосом около 460 г.⁵¹ В «Эвменидах» трижды (289–291, 669–673, 762–774) Орест и Аполлон обещают афинянам и Афине, что в ответ на доброжелательное отношение к Оресту Аргос навеки станет их союзником. Последние слова покидающего сцену Ореста – это клятва верности союзу Аргоса с Афинами; он клянется, что никто из его соотечественников не поднимет своей руки на Афины, и он сам, будучи уже в могиле и обладая посмертными способностями героя, будет следить за тем, чтобы аргосцы исполняли свои союзнические обязательства:

ἐγὼ δὲ χώρα τῇδε καὶ τῷ σῷ στρατῷ
τὸ λοιπὸν εἰς ἅπαντα πλειστήρη χρόνον
ὀρκωμότησας νῦν ἄπειμι πρὸς δόμους,
μήτοι τιν' ἄνδρα δεῦρο πρυμνήτην χθονὸς
ἐλθόντ' ἐποίσειν εὖ κεκασμένον δόρυ.
αὐτοὶ γὰρ ἡμεῖς ὄντες ἐν τάφοις τότε
τοῖς τὰμὰ παρβαίνουσι νῦν ὀρκώματα
ἀμηχάνοισι † πράξομεν δυσπραξίαις,
ὁδοὺς ἀθύμους καὶ παρόρνιας πόρους
τιθέντες, ὥς αὐτοῖσι μεταμέλη πόνος·
ὀρθουμένων δέ, καὶ πόλιν τὴν Παλλάδος
τιμῶσιν αἰεὶ τήνδε συμμάχῳ δορί,
αὐτοὶ σφιν ἡμεῖς ἐσμεν εὐμενέστεροι

⁵¹ Sommerstein 1989: 30, Podlecki 1989: 19.

Теперь я пойду домой, поклявшись
Этой земле и твоему народу
На все многое время в будущем,
Что никакой кормчий моей страны не придет
Сюда, неся против них хорошо снаряженное копье.
Я сам, будучи тогда уже в могиле,
Для тех, кто преступит мои нынешние клятвы,
Добьюсь с помощью неотразимых несчастий,
Лишая их духа в походе и добрых знамений в пути,
Чтобы они пожалели о своих трудах.
Но если они будут поступать правильно и всегда почитать
Этот город Паллады своим союзным копьем,
Мы будем к ним более благосклонны (762–774).

Стремясь связать сюжет своей трилогии с Аргосом, Эсхил переносит миф о судьбе Атридов именно в Аргос, в то время как более ранние поэты помещали дом Атрея в другие города (Гомер – в Микены, Стесихор и Симонид – в Спарту). Мы можем предположить поэтому, что вражда и убийства в семье Атридов, окончательное очищение от которой они находят в Афинах и благодаря помощи Афины, служили образным выражением гражданской смуты в Аргосе – смуты, которая предшествовала заключению союза с Афинами. Судя по замечанию у Геродота (6.83), в какой-то момент аристократы временно вернули себе власть в демократическом Аргосе, и этот период аристократического правления, скорее всего, следует датировать началом или серединой 60-х гг.⁵² очевидно, что смена власти и затем возвращение к власти демократов происходили путем насилия. «Орестея» должна отмечать окончание этого насилия в Аргосе, вселяя вместе с тем надежду на воцарение гражданского мира в самих Афинах и воспевая договор, связавший два государства.

⁵² Аргументы в пользу такой датировки привел Форрест (Forrest 1960: 229–232): победы на Олимпийских играх *δημόσιος κέλης* и *δημόσιον τέθριππον* в 480 и 472 гг., прием, оказанный изгнанному из Афин Фемистоклу в 470 г. свидетельствуют о том, что до начала 60-х гг. в Аргосе сохранялось демократическое правление; с другой стороны, одно из приношений аргосцев в Дельфы середины 60-х гг. было, очевидно, сделано аристократами. См. также Scott 2005: 584–585.

Вернемся теперь к «Ифигении». Если учесть, что Аргос играет в этой пьесе также очень важную роль, будучи упомянутым чаще, чем в других трагедиях, если учесть, что беды Ореста и Ифигении расцениваются как беды города, если иметь в виду традиционную ассоциацию между убийствами в семье и гражданской войной, и, наконец, если обратить внимание на очевидную зависимость «Ифигении» от «Орестей», где изображение этих убийств должно было наводить на мысль о междоусобице в Аргосе, мы можем предложить следующую интерпретацию пьесы Еврипида. Вслед за Эсхилом Еврипид вновь обращается к теме гражданской войны в Аргосе; эта война, очевидно, должна разрешаться благодаря вмешательству Афин и заканчиваться, как и в случае «Орестей», заключением союза Аргоса с Афинами.

«Ифигения в Тавриде» была поставлена в середине 410-х гг. События, происходившие в это время в Аргосе, позволяют нам понять замысел Еврипида. В 417 г., после почти полувекового непрерывного демократического правления и союза с Афинами в Аргосе произошел олигархический переворот. Главный источник об этом перевороте – Фукидид. Согласно его рассказу, после поражения аргивян в битве со спартамцами при Мантинее в 418 году проспартанская партия в Аргосе склонила большинство граждан к примирению, а затем и союзу со Спартой (5.76–79), а затем, в конце зимы 417 г., при помощи спартанцев низвергла демократию (5.81.2). Однако спустя несколько месяцев демократия была восстановлена, «одни из олигархов были перебиты, другие изгнаны» (5.82.2). Если Фукидид говорит о применении насилия главным образом со стороны демократов при восстановлении демократического правления, то другие источники подробно рассказывают и о кровавых насильственных действиях олигархов в момент переворота. Например, согласно Диодору Сицилийскому, опиравшемуся на сочинение историка 4 в. Эфора, «сначала они схватили и убили демократических лидеров, затем, наводя страх на остальных граждан, они отменили законы и стали управлять государством по собственному усмотрению. Они продержались у власти восемь месяцев, но после того как против них восстал народ, они были свергнуты; они были казнены, и народ вернул себе демократию» (Диодор 12.80.3).

Афины, естественно, поддерживали демократическую партию. Еще прежде переворота Алкивиад, присутствуя на собрании в Аргосе, где решался вопрос о перемирии со спартамцами, своими возражениями старался воспрепятствовать лаконофильской партии (Фукидид 5.76.3). Затем, когда после восстановления демократии сторонники олигархии при

помощи Спарты пытались вновь прийти к власти и в течение года в государстве продолжалось политическое противостояние, афиняне всячески содействовали демократам. Так, например, опасаясь войны со Спартой, аргосские демократы начали сооружение длинных стен до моря, которые могли бы обеспечить беспрепятственную доставку в город провизии из Афин в случае войны со Спартой на суше (Фукидид 5.82.5). Идея эта, согласно Плутарху, принадлежала все тому же Алкивиаду (Плутарх «Жизнеописание Алкивиада» 15.4). Афиняне помогали аргосцам и в строительстве стены (Фукидид 5.82.6), причем, как сообщает Плутарх, строительством занимался сам Алкивиад («Жизнеописание Алкивиада» 15.5). Затем, в 416 г. афиняне, вновь возглавляемые Алкивиадом, приплыли в Аргос и взяли в плен триста проспартански настроенных аргосцев (Фукидид 5.84.1).

В 416 г. между Афинами и Аргосом был заключен союз. Сохранилась надпись, содержащая текст этого договора и имя притана Аянта, при котором договор был ратифицирован афинянами, благодаря чему мы можем довольно точно его датировать. Этот Аянт был пританом, когда Тисий и Клеомед получили средства для похода против Мелоса весной 416 г. – таким образом, ратификация договора приходится на весну 416 г.

Гипотеза о том, что постановка «Ифигении в Тавриде» была приурочена к аргосским событиям и к союзному договору между Афинами и Аргосом позволяет понять организацию всей тематической структуры трагедии. Прекращение убийств в семье Агамемнона должно аллегорически обозначать окончание междоусобной вражды в Аргосе. Богиня Афина, помогающая Оресту и Ифигении спастись, и город Афины, переезд в которой из дикой страны тавров избавит от убийств Ифигению и Артемиду, символизируют ту благотворную роль сыграли в аргосских событиях афиняне. Следует заметить, кстати, что Афина в пьесе помогает не какой-то одной из сторон, никто из семьи Агамемнона не признается виновным в убийствах; все они – несчастные жертвы, и заканчивается пьеса воцарением всеобщего мира. Очевидно, Еврипиду важно было показать Афины миротворцем, а не сторонником одной лишь из враждующих сторон.

Предположение о связи «Ифигении в Тавриде» с гражданской войной в Аргосе в 417 г. позволяет объяснить еще одну деталь, на которую критики обращали недостаточно внимания. В то время как Афина помогает Оресту и Ифигении спастись, если перемещение статуи Артемиды из варварской страны тавров в Афины заканчивает череду убийств, противоположную губительную роль играет другой город – Спарта. Виновными во всех

несчастьях в семье Агамемнона предстают спартанцы Елена и Менелай. В первых же стихах трагедии Ифигения называет Елену главной причиной своей гибели; именно ради нее Агамемнон принес в жертву дочь: ἔσφαξεν Ἑλένης οὐνεχ', ὥς δοκεῖ, πατήρ «Как думают, заклал отец ради Елены» (8). С самого Агамемнона при этом всякая вина снимается; Ифигения не винит отца; его участь вызывает у нее такую же жалость, как и ее собственная, виновной же признается лишь «дурная женщина» Елена: ({Иф.} τάλαιν' ἐκείνη χῶ κτανὼν αὐτὴν πατήρ. / {Ор.} κακῆς γυναικὸς χάριν ἄχαριν ἀπώλετο, (Иф. «Несчастлива она и убивший ее отец» / Ор. «Она погибла на безрадостную радость дурной женщины» 565-566). Точно так же жалость вызывает и Клитемнестра, убившая Агамемнона (ὃ πανδάκρυτος ἢ κτανοῦσα χῶ θανῶν «Достойны слез и убившая и убитый», 553). И в этом несчастии, как и в последовавшем за ним убийстве Клитемнестры Орестом, виноватой оказывается Елена. В ответ на слова Ифигении о злой роли, которую Елена сыграла в ее судьбе (καμοὶ γάρ τι προφείλει κακόν, «И мне она задолжала, сделав зло», 523), Орест возлагает на Елену вину и в его собственных бедах: ἀπέλαυσα καὶ γὰρ δὴ τι τῶν κείνης γάμων «Вкусил и я ее брака» (526), причем в этом контексте звучит имя города Спарты, с которым связана ненавистная обоим детям Агамемнона героиня: Σπάρτῃ ζυνοικεῖ τῷ πάρος ζυνευνέτῃ (524). Если бегство Елены в Трою еще можно считать косвенной причиной бед Ореста (оно повлекло за собой жертвоприношение Ифигении, за которое Клитемнестра отомстила Агамемнону, что, в свою очередь привело к убийству Орестом Клитемнестры), то утверждение Ореста о губительности для его семьи возвращения Елены из Трои в Спарту (ἦκει, κακῶς γ' ἐλθοῦσα τῶν ἐμῶν τινί, «Она пришла, придя на несчастье кому-то из моих близких», 522) никак не соответствует логике мифологического сюжета, и его можно объяснить только желанием автора выставить эту героиню причиной и началом вообще всех бед.

Если принять предположение о связи «Ифигении» с событиями в Аргосе, то обвинение Елены в аргосских несчастьях становится понятным – переворот в городе совершила проспартанская партия при участии Спарты. Зловещей роли Спарты оказывается противопоставлена миротворческая и спасительная роль Афин, обозначенная в трагедии участием богини Афины.

Мы можем теперь попробовать точнее датировать «Ифигению в Тавриде». Метрические соображения говорят о том, что по времени она должна быть близка по времени «Троянкам», поставленным в 415 г., и обычно «Ифигению» датируют 414 г. Однако связь ее с

восстановлением демократии в Аргосе в 417 г. говорит скорее в пользу датировки 416 годом. В этом случае постановка «Ифигении в Тавриде» на празднике Великих Дионисий весной 416 года должна совпадать с заключением союза Афин и Аргоса весной того же года и быть приурочена именно к этому событию.

В эти годы Еврипид был близок Алкивиаду. В 416 г. Еврипид сочинил эпиникий в честь победы Алкивиада на Олимпийских играх, а в 415 г. поставил трагедию «Троянки», которая, как я попытался показать в недавней статье,⁵³ содержала в себе пропаганду затеянной Алкивиадом Сицилийской экспедиции. Можно предположить, что обращаясь в «Ифигении» к аргосским событиям и приурочивая свою трагедию к заключению союза с Аргосом, Еврипид выражал политические интересы Алкивиада, сыгравшего в этих событиях, как мы видели, очень важную роль.

⁵³ Никольский 2016.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Никольский 2016 – Никольский Б. М. Пропаганда войны в "Троянках" Еврипида // Вестник древней истории, 76. 2016. № 2. СС. 286-314.
- Abrahamson E.L. Euripides' Tragedy of Hecuba, TAPA 83, 1952, 120–129.
- Belfiore E. Murder Among Friends. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Blamire A. Epilycus' Negotiations with Persia, Phoenix 29, 1975, 21-26.
- Bowra C. M. Pindar, Oxford, 1964.
- Bremmer J. Human Sacrifice in Euripides' Iphigenia in Tauris: Greek and Barbarian // Sacrifices humains / P. Bonnechere, R. Gagné (eds.). Liège: Presses Universitaires de Liège, 2013. PP. 87-100.
- Burnett A. P. Catastrophe Survived. Euripides' Plays of Mixed Reversal. Oxford: Clarendon Press, 1971.
- Conacher D. Euripides' Hecuba, AJP 82, 1961, 1-26.
- Daitz S. G. Concepts of Freedom and Slavery in Euripides' Hecuba, Hermes 99, 1971, 217-226.
- Delebecque E. Euripide et la guerre du Péloponnèse, Paris, 1951.
- Dodds E. R. Euripides Bacchae, 2nd ed., Oxford, 1960.
- Dodds E. R. Morals and Politics in the Oresteia // The Ancient Concept of Progress and Other Essays in Greek Literature / E. R. Dodds. Oxford: Clarendon Press, 1973. PP. 45-63.
- Dover K. J. The Political Aspect of Aeschylus' Eumenides // Journal of Hellenic Studies, 77. 1957. PP. 230-237.
- Erskine A. Troy between Greece and Rome, Oxford, 2001.
- Forrest G. Themistocles and Argos // Classical Quarterly, NS 10. 1960. PP. 221-241.
- Gantz T. Early Greek Myth: A Guide to Literary and Artistic Sources. Baltimore, London, 1993.
- Garvie A. F. (ed.) Aeschylus. Choephoroi. Oxford: Oxford University Press, 1986.
- Hall E. Inventing the Barbarian. Greek Self-. Definition through Tragedy, Oxford, 1989.
- Harris E. M. IG I3 and the So-Called Peace of Epilykos, ZPE 126, 1999, 123-128.
- Harris E. M. The Authenticity of Andokides' De Pace. A Subversive Essay, in: P. Flensted-Jensen, T. H. Nielsen, L. Rubinstein (eds.), Polis and Politics, Copenhagen, 2000, 479-506.

- Heath M. *Iure principem locum tenet*. Euripides' Hecuba, BICS 34, 1987, 40-68.
- Hogan J. C. Thucydides 3.52–68 and Euripides' Hecuba, Phoenix 26, 1972, 241–57.
- Kagan D. The Fall of the Athenian Empire, Ithaca, 1987.
- King K. C. The Politics of Imitation: Euripides' Hekabe and the Homeric Achilles, Arethusa 18, 1985, 47-66.
- Kitto H. D. F. Greek Tragedy. 3rd ed. London: Methuen, 1961.
- Kyriakou P. A Commentary on Euripides' Iphigenia in Tauris. Berlin, New York: De Gruyter, 2006.
- Lawson J. Lectures Concerning Oratory, Dublin, 1758.
- Lewis D. M. Sparta and Persia, Leiden, 1977
- Luschnig C. A. E. Euripides' IT and Helen: Così è, se vi pare! // Classical World, 66. 1972. PP. 158-163.
- Luschnig C. A. E. Euripides' Hecabe: The Time is out of Joint, CJ 71, 1976, 227-234.
- Meiggs R., Lewis D. (eds.) A Selection of Greek Historical Inscriptions, 2 ed., Oxford, 1988.
- Méridier L. Euripide II, Paris, 1956.
- Meridor R. Hecuba's Revenge, AJP 96, 1978, 28–35.
- Meridor R. The Function of Polymestor's Crime in the Hecuba of Euripides, Eranos 81, 1983, 13–20.
- Michelakis P. Achilles in Greek Tragedy, Cambridge, 2002.
- Mossman J. Wild Justice. A Study of Euripides' Hecuba, Oxford, 1995.
- Murray G. Euripides and His Age. 2nd ed. London, New York: Oxford University Press, 1946.
- Nikolsky B. Misery and Forgiveness in Euripides: Meaning and Structure in the 'Hippolytus', Swansea, 2015.
- Norwood G. Greek Tragedy, ed. 4, London, 1948.
- Parker L. P. E. (ed.) Euripides. Iphigenia in Tauris. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Podlecki A. (ed.) Aeschylus. Eumenides. Warminster: Aris & Philipps, 1989.
- Pohlenz M. Die Griechische Tragödie, ed. 2, Göttingen, 1954.
- Prévost P. Examen de la tragédie d'Hécube, in P. Brumoy. Théâtre des grecs, nouvelle édition, Paris, 1785-9, IV (1786), 480-504.
- Raubitschek A. E. The Treaties Between Persia and Athens, GRBS, 5, 1964, 151-159.

Saïd S. Concorde et Civilization dans les Eumenides // Théâtre et spectacles dans l'Antiquité, Actes du colloque de Strasbourg (5-7 novembre 1981) / Zehnacker Hubert (dir.). Leiden: Brill, 1983. PP. 97-121

Sansone D. The Sacrifice-Motif in Euripides and Audience in Euripides' IT // Transactions of the American Philological Association, 105. 1975. PP. 283-95

Schubert P. L' Hécube d'Euripide et la définition de l'étranger, Quaderni Urbinati di Cultura Classica, 64, 2000, 87-100.

Scott L. Historical Commentary on Herodotus Book 6. Leiden: Brill, 2005.

Segal C., Violence and the Other: Greek, Female and Barbarian in Euripides' Hecuba, TAPA 120, 1990, 109-131.

Sommerstein A. H. (ed.) Aeschylus. Eumenides. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Stanton G. R. Aristocratic Obligation in Euripides' Hekabe, Mnemosyne 48, 1995, 11–33.

Strachan J. C. G. Iphigenia and human sacrifice in Euripides' IT // Classical Philology, 71. 1976. PP. 131-140.

Thompson W. E. The Athenian Treaties with Haliaï and Dareios the Bastard, Klio 53, 1971, 119-124.

Tierney M. (ed.). Euripides Hecuba, Dublin, 1946.

Wase-Gery H. T. Essays in Greek History, Oxford, 1958.

Wright M. Euripides' Escape-Tragedies. A Study of Helen, Andromeda and Iphigenia among the Taurians. Oxford: Oxford University Press, 2005.